

Н. Н. КОСТИНА-КАССАНЕЛЛИ

100 ИСТОРИЙ
ВЕЛИКОЙ
любви

Самые яркие романтические истории

Наталья Николаевна Костина-Кассанелли

100 историй великой любви

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9066039

*100 историй великой любви: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород; 2015
ISBN 978-966-14-8504-3, 978-966-14-8286-8, 978-5-9910-3088-5, 978-966-14-8503-6*

Аннотация

Истории удивительной любви, которые потрясли мир! Великие романы всех времен, которые будоражат и вдохновляют! В этой книге рассказывается о неповторимых чувствах прекрасной Роксоланы и султана Сулеймана, Данте Алигьери и Беатриче, Ивана Мазепы и Матрены Кочубей, Александра Пушкина и Натальи Гончаровой, Фрэнка Синатры и Авы Гарднер... Каждая из этих историй стала легендой.

Содержание

Глава 1	5
Царь Соломон и Суламифь	5
Роксолана и султан Сулейман I	8
Людовик XIV и Луиза де Лавальер	12
Петр I и Марта Скавронская	17
Николай Шереметьев и Прасковья Жемчугова	20
Эдуард VIII Английский и Уоллис Симпсон	22
Грейс Келли и принц Ренье	26
Принц Чарльз и Камилла Паркер-Боулз	30
Абдалла II и Рания Файсал аль-Ясин	34
Глава 2	37
Нефертити и Аменхотеп	37
Феодора и Юстиниан	40
Данте Алигьери и Беатриче Портинари	43
Маргарита Лути и Рафаэль Санти	46
Нур Джахан и Джахангир	49
София и Феликс Потоцкие	52
Франсиско Гойя и Каэтана Альба	56
Сальвадор Дали и Гала	59
Марина Ладынина и Иван Пырьев	63
Марина Влади и Владимир Высоцкий	66
Глава 3	70
Елена Глинская и Иван Овчина-Телепнев-Оболенский	70
Царевна Софья и Василий Голицын	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Наталья Николаевна Костина-Кассанелли 100 историй великой любви

© DepositPhotos.com / Jean_Nelson, neftali77, Subbotina, обложка, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2015

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2015

Глава 1 Сказка о Золушке

Царь Соломон и Суламифь

История любви великого царя Соломона и простой девушки по имени Суламифь пережила века и даже тысячелетия. Она настолько прекрасна и трогательна, что достойна стоять первой в этой книге.

Суламита. Гюстав Моро

Царь Соломон – тот самый мудрейший из мудрых, имя которого упоминается в Библии, властелин сильного царства, многоопытный полководец, выигравший множество войн. Именно во времена царя Соломона были построены Иерусалимский храм и дворец – грандиознейшие постройки своего времени. Казалось бы, такому человеку должно быть подвластно все... кроме парящего в небе орла да змеи в расщелине скал.

Когда Соломон случайно встретил в винограднике простую девушку по имени Суламифь, он уже познал любовь и страсть многих женщин, в том числе и прославленной царицы Савской. По одним источникам, у Соломона, который считался не только умнейшим, но и красивейшим мужчиной своего времени, было триста жен и наложниц, по другим – семьсот.

Но сколько бы ни было красавиц в гареме великого царя, лишь одной было суждено оставить свое имя рядом с его именем на века. И не оттого, что, как утверждают некоторые, сорокапятiletний царь к тому времени был утомлен капризами и яркой красотой цариц и наложниц, а скорее потому, что на сей раз это было настоящее чувство, какое настигает большинство людей хотя бы раз в жизни. И еще: все эти женщины знали, кто такой Соломон, и любили в нем не столько человека, сколько властителя, наделенного безграничной властью, и царя, который владел несметными богатствами.

Однако скромной девочке из виноградника, перед которой Соломон предстал в обличье пастуха, был нужен только он сам. И она отдала ему сокровища, которыми владела, – свои чистоту, невинность, ум и свое тело. Отдала не торгуясь, не выпрашивая драгоценностей и других наград.

Суламифи было только тринадцать лет, когда они встретились с Соломоном, но женщины в библейские времена выросли быстро. И возраст, с которого девушек выдавали замуж – двенадцать лет, – она перешагнула. Братья ее уже подумывали, за кого им просватать сестру, которую тяжелый труд на винограднике сделал стройной, гибкой как тростинка и загорелой, как большинство тех, кто был вынужден трудиться целыми днями под палящим солнцем Палестины.

Однако своим внутренним обликом Суламифь резко отличалась и от крестьян, и от пастухов – ведь не зря же она привлекла к себе внимание самого Соломона, притчи о мудрости которого пережили бранный прах их обоих. Ум ее был живым, а язык – образным. И по характеру Суламифь была под стать любому царю – великодушная и решительная, мечтательная и бескорыстная. Свою единственную драгоценность – золотые сережки – перед свиданием с Соломоном она выменяла на благовония, чтобы натереть ими свое тело и доставить радость возлюбленному...

Соломон забрал Суламифь во дворец, одел в лучшие одежды, окружил невиданной роскошью и заботой. Однако любовь Соломона и девушки из виноградника длилась недолго – всего семь дней... Семь длинных и семь коротких дней. Семь ночей, исполненных страсти, ласк и взаимных клятв в верности. Казалось бы, ничто не могло омрачить счастья царя и его юной возлюбленной, но... там, где пускает свои корни любовь, непременно расцветает и ядовитый цветок ревности.

Суламифь была убита по приказу одной из цариц, убита безжалостно, прямо на глазах у Соломона. Но, прежде чем умереть, эта бесстрашная девочка нашла в себе силы улыбнуться возлюбленному и сказать слова благодарности за все, что он сделал для нее. За любовь, которую он ей подарил. За счастье быть любимой. За радость, когда мир вокруг вдруг расцвел яркими красками. Пока смерть не затуманила глаза его ненаглядной, Соломон, стоя на коленях в крови той, которую любил больше жизни, не выпускал ее руки из своих...

Суламифь пронеслась по жизни царя Соломона, как ослепительная комета, как падающая звездочка, пронеслась – и растаяла. После ее смерти царь прожил еще долгие годы. Однако больше в его жизни не было таких ярких мгновений, такого полного единения сердец и тел, которое было между ними – всемогущим царем и юной девушкой из виноградника.

Соломон скорбел, и сердце его обливалось кровью – такой же горячей, как та, что струилась по его телу, когда он держал на руках свою умирающую возлюбленную. Однако горе должно было найти выход – и царь, который обладал даром не только полководца, но и поэта, написал «Песнь песней», дошедшую до наших дней и увековечившую Суламифь. И до сегодняшнего дня образ девушки из «Песни песней» – один из самых нежных, глубоких и прекрасных образов Библии. Поэтика этого образа настолько сильна, пронзительна и остра, что буквально сжимается сердце, когда читаешь написанные Соломоном строки:

Запертый сад – сестра моя, невеста,

*заклученный колодезь, запечатанный источник:
рассаdники твои – сад с гранатовыми яблоками,
с превосходными плодами, киперы с нардами,
нард и шафран, аир и корица со всякими
благовонными деревьями, мирра и алой
со всякими лучшими ароматами; садовый
источник – колодезь живых вод и потоки с Ливана.*

Так недолго, но так самоотверженно любившая его девушка олицетворяла для царя все самое лучшее и драгоценное: благовония и приправы, ценившиеся тогда на вес золота, воду в пустыне – источник жизни, сад, взлелеянный старательным садовником... Ушла Суламифь, и все потеряло свою ценность: высох сад, затерялся в песках источник, иссушающий ветер развеял запах благовоний, смешав его с пылью веков... Но осталась «Песнь песней», а с ней жива и любовь.

*О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!
глаза твои голубиные.*

Что это, как не тоска по умершей любимой:

*Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал;
цветы показались на земле; время пения настало,
и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы
распустили свои почки, и виноградные лозы,
расцветая, издают благовоние. Встань,
возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!*

И Суламифь, образ которой по сей день жив, и дышит, и разговаривает со страниц Библии, отвечает своему единственному:

*О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен!
и ложе у нас – зелень; кровли домов наших – кедры,
потолки наши – кипарисы.*

И вечны слова Соломона, и во все времена, пока люди будут любить, и страдать, и терять возлюбленных, они будут перечитывать «Песнь песней»:

*Положи меня, как печать, на сердце твое, как
перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть,
любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы
ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный.*

Что может быть поэтичнее этих строк? Разве что те слова, которые каждый влюбленный шепчет своей возлюбленной... в ту ночь, когда он для нее – Соломон, а она для него – Суламифь...

Роксолана и султан Сулейман I

О любви султана Османской империи Сулеймана I и пленной украинки, дочери священника Анастасии Лисовской, немало написано книг и снято фильмов. Анастасия Лисовская, известная больше под именем Роксоланы, или султанши Хуррем, была, несомненно, выдающейся личностью своего времени.

Русская султанша. Тициан

Совсем молоденькой девушкой Анастасия была захвачена в плен татарами и продана на невольничьем рынке Стамбула. Прекрасную пятнадцатилетнюю пленницу по воле случая купил не кто иной, как визирь султана Сулеймана I Рустем-паша. Великий визирь хотел сделать подарок своему владыке, большому ценителю женской красоты.

Однако продавец узнал, кому предназначалась девушка, и отказался ее продавать, захотев сделать султану подарок сам. Впоследствии то, что пленница не была продана, сыграло большую роль в ее судьбе: она смогла подняться на трон и стать полновластной султаншей, чего не смогло бы произойти, если бы она стала проданным товаром.

Анастасия осталась свободной. Если бы за нее заплатили деньги, то по существующим законам султаната она не смогла бы претендовать на роль жены, а навсегда осталась бы наложницей. Однако и без этого путь пленницы, получившей в гареме имя Роксоланы, к сердцу султана и к трону отнюдь не был усыпан розами...

Новая звезда султанского гарема оказалась не только красивой, но и чрезвычайно умной: Роксолана использовала все возможности, чтобы завоевать внимание своего повелителя, а затем и расположение. В условиях переполненного красавицами гарема это было совсем не просто. И сделавшую неверный шаг ждали не награды, драгоценности и расположение султана, а дюжие евнухи с шелковым шнурком наготове, которым душили провинившихся.

Однако хрупкая, невысокая, не отличавшаяся особой статью и силой девушка рискнула: оттолкнув танцующую в центре круга невольницу – из тех дорогостоящих красавиц, что поставлялись ко двору, она – не купленная за деньги, а подаренная и потому не имеющая цены – засмеялась и запела. Звонким мелодичным голосом пела она, совсем как перелетная птица, не знающая границ и клеток...

Это поведение было так необычно для трепещущего перед своим повелителем гарема, что султан Сулейман был заинтригован: кто эта девушка? Чего еще можно от нее ожидать? В тот же вечер Роксолана получила платок султана – знак, что ночью он ожидает ее в своей опочивальне.

Обычно невольницы, обласканные властителем, просили его о драгоценностях, новых нарядах и прочих знаках внимания. Но маленькая украинская пленница попросила только об одной милости – праве посещать султанскую библиотеку. Сказать, что пресыщенный женскими прелестями и капризами Сулейман был удивлен, значит ничего не сказать. И поэтому, вернувшись из очередного военного похода, он снова призвал к себе удивительную девушку, к тому времени уже овладевшую несколькими восточными языками!

Наверное, не одна только ученость новой фаворитки привлекала султана – несомненно, между ними возникло то сильное притяжение, которое и называют любовью. И именно поэтому, а не потому, что, как утверждали злые языки, Роксолана умела колдовать, султан забросил свой гарем и проводил ночи только с ней. А она, дочь священника из Рогатина, посвящала своему возлюбленному стихи, писала книги и жадно впитывала все новые и новые знания. И, любя султана всем сердцем, Роксолана приняла новую веру – ислам.

Она стала для своего повелителя не только любимой и верной женой, но и надежным другом, советчиком в непростом мире восточных интриг, где брат предавал брата, а политические заговоры были явлением обыденным и могли стоить султану не только трона, но и головы. Свадьба Сулеймана I и скромной украинской девушки, состоявшаяся предположительно в 1534 году, стала по тем временам явлением экстраординарным. Празднества были грандиозными. Вот как пишет о них очевидец, английский посол:

На этой неделе в Стамбуле произошло невиданное доселе событие: султан Сулейман объявил султаншей свою украинскую наложницу Роксолану, ввиду чего в Стамбуле состоялось большое празднество. Нельзя передать словами пышность свадебной церемонии, состоявшейся во дворце. Было устроено общее шествие. Ночью же все улицы были иллюминированы. Повсюду были устроены увеселения, на которых играли музыканты. Дома были разукрашены. Народ пребывал в восторге.

Разумеется, событие небывалое не только благодаря роскоши церемонии или участвовавшим в свадебном шествии жирафам, которых и сегодня не в каждом зоосаду можно увидеть. Шок в общественном сознании вызвал сам факт женитьбы султана на небогатой и незнатной девушке – можно сказать, Золушке из сказки.

До бракосочетания Роксоланы и Сулеймана султаны никогда не женились на женщинах из гарема – их женами во все времена становились или принцессы иностранного происхождения, или же дочери вельмож. Но Сулейману не нужна была очередная дорогая игрушка – он уже нашел свое счастье в Роксолане и не желал от него отказываться!

Помимо красоты и ума новая султанша была наделена многими талантами: она одинаково хорошо разбиралась как в искусстве, так и в политике, пела и танцевала, была настоящим полиглотом – практически с каждым послом она говорила на его родном языке! Однако Роксолана умела не только говорить, но, что еще важнее, – она умела слушать. Султан не упускал случая побыть со своей женой наедине – и в это время они оба, несомненно, были счастливы.

Именно Роксолана сумела сделать, казалось бы, невозможное: превратить гарем, безрадостные обычаи которого веками не знали перемен, в средоточие веселья и просвещения. Сама же султанша стала единственной женщиной в султанском гареме, имеющей официальный титул. Более того, султан Сулейман разделял с султаншей Хуррем, как называли ее хроники, не только трон, на котором она восседала рядом с ним, но и реальную власть! Султанша появлялась на людях с открытым лицом – но никто не смел роптать, даже ревнители веры – так высок был ее престиж, и даже враги признавали ее веру и поведение безупречным.

Таланты этой женщины, поднявшейся из самых низов, просто поражали: когда султан Сулейман, отправившись на очередную войну, буквально опустошил казну, Роксолана приказала открыть в портовых районах Стамбула винные лавки. Напиток, запрещенный Пророком, предназначался не для мусульман, а для моряков-европейцев. Золото потекло в казну рекой, но султанша не спешила тратить его на свои прихоти, а распорядилась углубить бухту Золотой Рог и реконструировать старые причалы, чтобы к ним могли швартоваться крупнотоннажные суда с товарами со всех концов света. Оживилась торговля, и теперь у мудрой правительницы хватило денег на все: она строила новые мечети, школы, больницы. Вернувшийся с войны муж застал столицу и свой собственный дворец Топкапы обновленными, а жену – обожаемой почти всеми. Улыбка не сходила с ее милого лица, и любой конфликт она могла свести на нет острой шуткой. Не зря гвардейцы султана называли ее «смешливой госпожой»!

Воистину, Роксолана и Сулейман I были блистательной парой. Он не проиграл в своей жизни ни одной битвы, она же во всем была его помощницей, его другом, и только ей отдал муж свое сердце. Роксолана родила своему султану детей, но наследником трона по-прежнему считался старший сын Сулеймана Мустафа, сын красавицы Гюльбехер.

Султан никогда не любил свою жену Гюльбехер, однако законы наследования трона он не мог и не хотел изменить. И каким бы легким характером ни обладала Роксолана, нравы и обычаи гарема постепенно брали над ней верх. Она стала бояться, что ее место займет более молодая и красивая девушка, а ей самой и ее детям будет уготована участь всех опостылевших султанских жен, которых живьем зашивали в кожаный мешок, клали в него ядовитую змею и сбрасывали в бурные воды Босфора...

Роксолана всеми силами пыталась укрепить свои позиции: убрала с дороги выдающегося деятеля того времени визиря Ибрагима, который имел влияние на султана. Беднягу обвинили в симпатиях к Франции и задушили. За нового визиря Рустема-пашу султанша выдала замуж свою старшую дочь. Новоявленный зять убедил султана в том, что его жена Гюльбехер и старший сын Мустафа строят против него козни и посягают на трон. Мустафа был задушен по приказу султана, а Гюльбехер вскоре сошла с ума...

Роксолана, прокладывая дорогу к трону любимому сыну Селиму, так и не стала свидетельницей его триумфа: она умерла раньше. Большая любовь девочки из Рогатина и всемогущего султана, которым удавалось в жизни буквально все, дала горькие плоды: около сорока детей Сулеймана I от жен и наложниц, в том числе и двое младших сыновей самой Роксоланы, были задушены в борьбе за власть по приказу Селима. Султан Селим оказался не только жестоким, но и бездарным правителем. Он правил всего 8 лет и, пристрастившись к выпивке, остался в истории Турции под именем Селим-пьяница.

Блестящая султанша, Роксолана, умерла своей смертью – от простуды, в 1558 году. Султан Сулейман I пережил любимую жену на 8 лет и успел построить в ее честь Сулеймание – величественную мечеть, возносящуюся минаретами в небо. Рядом с ней были выстроены две восьмигранные усыпальницы – в одной покоится прах самой Роксоланы, а в другой – Сулеймана I.

Под высоким белоснежным куполом мечети Сулеймание высечены две алебастровые арабески: в одну из них султан приказал вставить изумруд – любимый камень своей Хуррем.

После его смерти в другую арабеску также вставили изумруд, забыв, что любимым камнем покойного правителя был рубин – драгоценность цвета пролитой крови...

Людовик XIV и Луиза де Лавальер

Людовик XIV Французский вошел в историю под именем Король-Солнце – однако не потому, что был выдающимся монархом или человеком. Самовлюбленный король обожал балет и в придворных спектаклях зачастую лично исполнял роль Солнца – блестящего светила.

Людовик XIV Французский. Пьер Миньяр

Живя в окружении алчных фавориток, Король-Солнце смотрел на женщин как на существ меркантильных, ценящих прежде всего материальные блага. Однако каково же было удивление монарха, когда среди испорченного нравственно двора он встретил чистое и любящее сердце, не развращенное и не изуродованное стремлением к наживе!

Луиза де Лавальер родилась в бедной дворянской семье и выросла среди полей и лесов. Девочка чрезвычайно любила природу, цветы и домашних животных, особенно лошадей. Любовь к верховой езде и связанный с ней несчастный случай навсегда наложили отпечаток на характер и внешность девушки: в ранней юности Луиза упала с лошади и сломала ногу.

Нога срослась неправильно, и молодая дворянка на всю жизнь осталась хромой. Но если внешность ее пострадала, то характер, и прежде очень мягкий, после рокового падения стал и вовсе ангельским: в то время как сестры Луизы только и думали о нарядах и женихах, она стремилась к тихой жизни и одиночеству и много молилась. «Да и кто, – говорили ей сестры, – возьмет тебя, хромоножку, замуж?»

Сама Луиза также считала себя непривлекательной калекой, однако это было не совсем правдой: да, она была хрома, крайне застенчива, однако современники, описывавшие мадемуазель де Лавальер, отмечали, что была в этой девушке какая-то особая, внутренняя красота, которой светились ее прекрасные огромные глаза.

Дальняя родственница девушки, герцогиня де Сен-Реми рекомендовала ее королеве Анне Австрийской в качестве фрейлины к герцогине Орлеанской Генриетте Стюарт. Герцогиня, слышавшая дамой весьма красивой, остроумной и любящей балы, театры и охоту, развлекалась целыми днями. Ее муж мало обращал внимания на то, чем занята его жена. Герцог Орлеанский не скрывал своего влечения к молоденьким мальчишкам.

Генриетта не слишком обижалась на такое пренебрежение к своей особе, потому что поведение мужа лишь развязывало ей руки. Герцогиня хотела привлечь к себе внимание самого короля, и это ей вполне удалось. Встретаться открыто любовникам запрещал этикет, поэтому они придумали гениальный ход: решили, что король делает вид, будто увлечен одной из фрейлин. Под таким вполне приличным по тем временам прикрытием король мог открыто посещать покои своей невестки и оставаться там сколько вздумается.

Хромоножка Луиза, которую герцогиня избрала своей наперсницей, и сама не заметила, как влюбилась в короля. Наверное, первым ее чувством была все же не любовь, а жалость – ведь король и сам оказался калекой! Людовик XIV родился без носовой перегородки, и во время еды часть пережеванной пищи выходила у него через нос. Луиза от всей души жалела короля – ведь ее увечье можно было скрыть под платьем, а недостаток короля частенько оказывался виден всем!

Однажды, когда она поздно вечером сидела и разговаривала со своей подругой в саду – а разговор шел о том, что Луиза давно и безнадежно любит короля – их разговор был случайно подслушан самим Людовиком, возвращавшимся со свидания. Девушка говорила так горячо и искренне, что король поневоле остановился. Услышанное потрясло его до глубины души.

Вернувшись к себе, Людовик так и не смог уснуть. Ничего подобного раньше с ним никогда не случалось. Он не мог забыть тихий голос девушки, его преследовали видения: ее склоненная голова, дышащая невинностью фигура... Король влюбился. Он пытался бороться с этим чувством – ведь выбор в фаворитки такой девушки, как Луиза, мог быть просто-напросто осмеян двором! Однако чувство было сильнее доводов разума – и он решился предложить Луизе себя.

Разумеется, ни о каком браке и речи быть не могло – брак для монархов того времени был вещью сугубо династической. Но любовница короля, носящая официальный титул фаворитки, имела куда большее влияние на политику, чем королева, удел которой сводился лишь к рождению наследников да укреплению родственных уз.

К чести девушки, сопротивлялась она довольно долго. Порядочность, правдивость, высокие моральные принципы – все в ней противилось внебрачной связи, даже если предлагал себя сам король. Людовик, распаленный тем, что ему оказывают такое невиданное сопротивление, однажды ночью даже влез к предмету своего обожания в окно – совсем как мальчишка!

Однако Луиза не пала, как крепость под натиском противника, а с отчаяньем упрашивала короля не поддаваться греховной страсти – ведь его законная супруга, королева, как раз ждала ребенка. Под влиянием Луизы король и сам стал меняться: из капризного, пресыщенного и думающего только о развлечениях молодого человека он превратился в настоящего рыцаря. В нем проявились дремавшие дотоле мужские качества: верность, твердость, галантность. Людовик проводил с Луизой целые дни, осыпал ее подарками, и при виде такой самоотверженности она наконец сдалась.

Король был на седьмом небе от счастья – а его двор не смог ни понять, ни оценить королевский выбор. Новая фаворитка была, по тогдашним представлениям, нехороша собой, да к тому же хромонога! Одни объясняли предпочтение короля колдовством. Дескать, эта бедная, ничем не примечательная и не родовитая девица привязала к себе короля с помощью чар. Другие говорили, что мадемуазель де Лавальер привлекла внимание короля с помощью

особо непристойных умений в плотских утехах. Но никому и в голову не пришло, что своим возвышением Луиза обязана только своей настоящей, искренней и чистой любви.

Счастью Луизы завидовали многие. Бывшие фаворитки, которых король теперь просто не замечал, искали случая унижить соперницу, отпуская ядовитые замечания насчет ее хромоты и невзрачности. Луиза стойко терпела неприязнь двора, однако случилось еще одно неприятное и непредвиденное происшествие: в столицу приехал бывший жених девушки, до которого дошли слухи о ее непристойном поведении.

Жених потребовал от мадемуазель Лавальер написанные им письма и устроил в ее покоях громкий скандал, слух о котором, не без содействия заинтересованных лиц, достиг ушей короля. Соперницы Луизы ликовали: король разгневался, его сжигало никогда дотоле не изведенное им чувство ревности. И впервые за все время их романа, длившегося уже много месяцев, Людовик не явился к своей возлюбленной ночевать.

Луиза также не спала ночь – она ждала любимого, который должен был утешить ее, униженную и оскорбленную бывшим женихом. Однако наступил рассвет, а король так и не появился! Тогда несчастная девушка потихоньку вышла из дворца и отправилась в ближайший монастырь. Там она пала на колени и с горячей молитвой покаялась в прегрешениях, горя об утраченной чистоте...

Молясь в стенах обители, Луиза твердо решила постричься в монахини, чтобы искупить свой грех, а заодно отомстить и все грехи короля. Охваченная раскаянием, бедная девушка стояла на коленях на холодном каменном полу до самого вечера, а потом, обессиленная, лишилась чувств. Такой ее и нашел вбежавший в церковь Людовик. Он подхватил любимую на руки и отнес во дворец. Король был полон раскаяния – он рыдал, просил прощения, говорил о своей любви так, что Луиза отменила решение уйти в монастырь.

Именно для скромной мадемуазель де Лавальер Король-Солнце решил перестроить существующий дворец, сделать его достойным своей великой любви. Под руководством ландшафтного художника Ленотра и живописца Лебрена работы велись и днем и ночью – и вскоре обновленный и перестроенный Версаль стал красивейшей постройкой своего времени.

Луиза не стремилась к роскоши: она жила скромно, ее вполне устраивали непритязательные апартаменты, в которых она могла быть счастлива со своим любимым, приезжавшим из Парижа к ней одной. К тому же фаворитка короля была беременна – и находила тихое счастье в мечтах о воспитании ребенка, который вот-вот должен был появиться на свет.

Однако король настоял на своем: весной 1663 года мадемуазель де Лавальер получила официальный титул «фаворитка короля» и была торжественно переселена в Версаль. Король был горд и счастлив. Он устраивал в честь возлюбленной балы и фейерверки, но... Луиза все больше стыдилась своего положения любовницы и не была счастлива. Она все чаще размышляла о том, что, может быть, ей не стоило уступать королю, а нужно было выйти замуж за такого же скромного, как она сама, человека и тихо жить с ним и детьми в провинции? Но изменить в своей судьбе она уже ничего не могла; кроме того, она действительно любила Людовика!

Год спустя Луиза родила дочь, а еще через три года король, чья верность невзрачной фаворитке стала притчей во языцех, пожаловал ей титул герцогини де Вожур. К тому времени Луиза стала матерью в третий раз, но ее дети, плод великой любви, были незаконнорожденными и не могли претендовать на французский престол. Впрочем, Луизу мало занимало наследование трона – она всего лишь не хотела жить во грехе. Несмотря на то что король явно и самозабвенно был счастлив с ней, ее постоянно мучило осознание нечистоты и незаконности их связи.

Луиза, которая чувствовала себя во дворце не в своей тарелке и думала лишь о простом семейном счастье, в конце концов наскучила Людовику своей строгой моралью – и тот

стал искать чувственных развлечений на стороне. Его выбор пал на ослепительно красивую Атенаис де Монтеспан.

Король поселил новую любовницу в соседней с Луизой комнате и потребовал... чтобы женщины подружались! Луиза, привыкшая ни в чем не перечить королю, даже прогуливалась по саду с новой «подругой», проводила с ней вечера, играя в карты под пристальным взглядом короля.

Непонятно, чего пытался добиться таким способом Людовик или его новая любовница, но об Атенаис ходили самые черные слухи. Ее обвиняли в приверженности сатанизму, проведении «черных месс», подсыпании в пищу короля приворотного зелья. Вряд ли в этих слухах была хоть частица правды, но Король-Солнце чрезвычайно скоро превратился из порядочного любящего человека, обожавшего Луизу и детей, в развратного и циничного сластолюбца.

В 1669 году маркиза де Монтеспан родила дочь, а через год – сына, чем еще больше привязала короля к себе. Однако Людовик еще питал к Луизе какие-то чувства и изредка навещал ее. Эти свидания не приносили ни ему, ни ей ни облегчения, ни радости: Людовик чувствовал себя виноватым, а скромная хромоножка Луиза все больше замыкалась в себе и старалась не сердить того, кого она все еще любила больше жизни...

Когда Атенаис родила еще одну дочь, король заставил Луизу стать крестной матерью этого ребенка. Это стало последней каплей: на следующий день Луиза уехала из столицы с твердым намерением постричься в монахини. Но сделать это женщине, у которой была внебрачная связь и дети от нее, было непросто.

Пускай отцом ее детей был сам король, но мать-настоятельница категорически отказалась принимать в обитель развратную женщину, которой была в ее глазах Луиза. Бедняжка поселилась в деревушке близ монастыря и каждое утро приходила и часами стояла на коленях – нет, не в храме, куда ей был закрыт доступ, а под его стенами, на голой земле!

Только через два месяца сердце настоятельницы смягчилось и та решила допустить грешницу в монастырь. Второго июня 1675 года, в возрасте тридцати лет, Луиза сняла с себя мирской наряд и надела черное платье послушницы. Двери кельи навсегда захлопнулись за ней – герцогини де Лавальер больше не существовало, появилась монахиня Луиза.

Король проливал крокодильи слезы, но не спешил вернуть былую любовь. Теперь он проводил время с доступными красавицами. Детей роковой Атенаис, чтобы уберечь от глупого влияния матери, отдали на воспитание славящейся своими религиозными убеждениями аристократке – мадам де Ментенон.

На закате жизни король женится на этой скромной женщине и проведет с ней свои последние десять лет. Также стареющий Король-Солнце запретит у себя во дворце любовные интриги, супружеские измены, однополую любовь. Несомненно, его подвигли на такой шаг не только наставления мадам де Ментенон, но и воспоминания о милой, искренней и набожной Луизе.

Луиза де Лавальер, для которой светская жизнь закончилась за стенами монастыря, провела в нем долгих тридцать шесть лет и заслужила любовь и уважение монахинь. Бывшая любовница короля, теперь чтившая только одного небесного жениха, своим безупречным поведением, беззаветным служением Богу, самопожертвованием и терпением поражала даже монахинь.

Король ни разу не навещал Луизу в монастыре, но однажды к ней приехала сама бывшая соперница – королева Мария-Терезия. О чем говорили женщины – осталось тайной, но королева вышла из кельи Луизы в слезах...

Сами же монахини считали сестру Луизу святой. Говорят, после смерти тело ее было окутано светящимся ореолом. Это, несомненно, была любовь: к людям, к собственным

детям, к королю, который не сумел сохранить их отношения, и к Богу, который так щедро наделил ею Луизу-хромоножку...

Петр I и Марта Скавронская

Несомненно, Петр I был и остается самым незаурядным и харизматичным монархом в истории государства Российского. Недаром его называют Великий. Великими были его заслуги в истории страны – именно он «прорубил окно в Европу», выиграл великие битвы и заложил прекрасный город, названный его именем, – Санкт-Петербург.

Портрет Петра I. Жан-Марк Наттье

Царь-реформатор собственными руками строил корабли, ковал железо, да и судьбу свою он выковал и нашел сам. И, несмотря на злые, а временами и скабрзные сплетни за спиной, Петр сам выбрал женщину, с которой не просто сожительствовал, как многие современники, что было бы понятно многим, но возвел простую девушку, даже не имевшую дворянского звания, на престол Российской империи.

Марта Скавронская, будущая императрица Екатерина I, о жизни которой до появления в ней Петра мы знаем не так уж много, родилась на территории современной Эстонии. В те времена область называлась Ливония и входила в состав Швеции. Марта была сиротой, рано потерявшей родителей, и росла в семье тетки. В пятнадцать лет девушка поступила в услужение к пастору Эрнсту Глюку, а в семнадцать – вышла замуж.

Она сделала хорошую партию – ее мужем стал драгун Иоганн Краузе. Однако супружеское счастье длилось недолго: началась война, и при осаде крепости Мариенбург муж Марты попал без вести.

Жизнь бывшей служанки начала меняться с потрясающей быстротой. После взятия Мариенбурга русскими войсками ее заметил фельдмаршал Борис Петрович Шереметьев. Красивая девушка так приглянулась стареющему русскому князю, что тот, недолго думая, сделал ее своей любовницей. По законам военного времени в этом не было ничего удивительного – пленных частенько продавали, записывали в крепостные, но Марте в этом смысле

повезло: ей присвоили вполне приличное имя «домоправительница», и в этом звании она и жила при Шереметьеве.

Через несколько месяцев черноглазый и чернобровый «военный трофей» был отнят у князя Шереметьева гораздо более сильным соперником – самим Александром Меншиковым, любимцем и сподвижником Петра, всемогущим фаворитом, которому Шереметьев не смог отказать. Так Марта перешла еще в одни руки и оказалась совсем близко к императору. Так близко, что встреча их неминуемо должна была состояться – рано или поздно.

Сердце Петра к тому времени было свободно, и не просто свободно. В нем зияла пустота, оставленная вырванным с кровью и мукой образом его первой многолетней любви – Анны Монс. Красавица из Немецкой слободы предпочла другого – саксонского посланника Кёнигсегга. Узнав об измене, Петр впал в настоящую ярость – Анна была для него больше чем любовница. Она олицетворяла собой все, что так нравилось царю в Европе: порядок и чистоту, аккуратность и просвещение. К тому же Анна была так хороша собой, что один из дипломатов, принятый при дворе, написал: «Она влюбляет в себя всех мужчин, сама того не желая!»

Петр заметил среди «дворовых девок» во дворце Меншикова одну пригожую черноглазую красавицу. Марта теперь уже носила имя Катерина Алексеевна Михайлова, была крещена в православную веру и бойко, хотя и с акцентом, говорила по-русски.

Будущая русская царица обладала не только веселым нравом и приятной внешностью – было в ней что-то большее, чем просто хороший характер и красота. Говорят, что только она одна могла справиться с неконтролируемыми приступами ярости, частенько овладевавшими Петром. Катерина клала голову любимого себе на грудь и гладила его волосы. Петр, склонный к эпилептическим припадкам и сильным головным болям, изводившим его, успокаивался и засыпал как ребенок. А Катерина сидела неподвижно в течение двух-трех часов, боясь потревожить дорогого ей человека. После живительного сна Петр обычно просыпался здоровым, в ясном уме и прекрасном настроении.

Катерина стала не просто любовницей, как Анна Монс, у которой были и дворцы, и крепостные, и стоившие огромных денег драгоценности, пожалованные царем. Она не брала взятки за назначение на должности, как корыстолюбивая Анна, напротив – находясь вместе с возлюбленным в военном Прутском походе, Катерина сняла с себя все украшения, подаренные ей Петром, и передала их туркам, окружившим армию, в качестве выкупа. Этот шаг так тронул императора, что тот дал себе слово жениться на великодушной женщине.

Петр и Екатерина обвенчались 19 февраля 1712 года в церкви Исаакия Далматского в Петербурге. А в 1713-м Петр, не забывший так тронувшего его поступка тогда еще просто любовницы, учредил орден Святой Екатерины. Первым кавалером ордена стала, конечно же, она, любимая супруга, подруга и единомышленница царя. В 1724 году Екатерина была коронована и провозглашена императрицей.

Несомненно, венценосная пара питала друг к другу самые искренние чувства – но история Золушки не закончилась тем, что принц надел на ее ногу хрустальную туфельку и увез к себе во дворец. Именно после женитьбы обычно начинаются размолвки и трения между супругами. Не обошли они стороной Петра и Екатерину.

Петр, не отличавшийся разборчивостью, зато выделявшийся неумным сексуальным аппетитом, за свою жизнь имел множество любовниц. Как правило, это были совсем простые женщины: дворовые девки, солдатки, жены матросов и ремесленников. Говорят, только незаконнорожденных детей царь имел около четырехсот! И после женитьбы на Екатерине Петр то и дело заводил связи на стороне. Екатерина также завела себе «милого дружка». Им стал родной брат Анны Монс – Виллим, который, как и сестра, отличался редкой красотой.

Муж всегда узнает о похождениях жены на стороне последним, не стал исключением из этого правила и Петр. Еще до коронации Екатерины в Тайный приказ попал донос о ее

связи с Виллимом Монсом, но до царя он дошел лишь спустя полгода. К тому времени о неверности императрицы говорил уже весь двор, слухи расплзались и по Петербургу, и по Москве.

По приказу Петра Монса схватили и заключили под стражу. Однако копаться в грязном белье царицы прилюдно Петр не стал: следствие продолжалось лишь несколько дней, и Виллима обвинили в... казнокрадстве! Нужно отдать должное этому человеку – на допросах, которые в то время непременно сопровождались жуткими пытками, о своей связи с императрицей он промолчал. Петр, по всей видимости, был благодарен ему за это, но помиловать любовника жены все же не считал возможным, да и не захотел.

Виллим Монс умер тяжелой смертью – его колесовали при большом стечении народа, а затем отрубили голову. На казнь Петр привез и жену, но, говорят, у царицы от зрелища и мускул не дрогнули... Вечером Екатерина была весела, пила и танцевала на обручении старшей дочери с немецким герцогом. Что ж – она видывала в своей жизни и не такое. Она прошла и через военные походы, и через осаду крепостей, и через смерть собственных детей... Из одиннадцати наследников короны, которых царица родила от Петра, остались живы лишь двое, Анна и Елизавета – будущая императрица Елизавета I.

Голову любовника жены Петр приказал заспиртовать в банке и принес Екатерине в спальню – в качестве назидания. Царица стерпела и это, но, говорят, с той поры супруги прекратили общение между собой. Вскоре царь умер – не потому ли, что его припадки теперь некому было предотвращать? Хотя официальная версия гласит, что государь скончался от последствий многолетнего сифилиса – болезни, чрезвычайно распространенной в те времена. На смертном одре супруги помирились, и Екатерина буквально держала мужа на руках до самой его кончины 28 января 1725 года.

Поскольку Петр не оставил завещания, престол наследовала Екатерина. Однако настоящей правительницы из нее не получилось: в отличие от талантливого мужа, который вникал буквально во все, новая императрица подписывала государственные бумаги не читая. Она была хорошей женой и любящей матерью, но управлять огромной страной не могла. К тому же Екатерина очень много пила – к вину прирастил ее сам царь, любивший неумеренное веселье и требовавший от придворных того же. Пьяная, растрепанная, бродила Екатерина по дворцу, который некогда слышал шаги ее любимого мужа...

Умерла императрица Екатерина I от воспаления легких в мае 1727 года, пережив свою большую любовь немногим более чем на два года. Ей было на тот момент всего сорок три...

Николай Шереметьев и Прасковья Жемчугова

Историю любви крепостной Прасковьи и ее хозяина, сиятельного графа Шереметьева, не зря называют самой трогательной историей XVIII века, и это действительно так.

Прасковья Жемчугова. Николай Аргунов

Прасковья Ковалева родилась в семье крепостного мастера-кузнеца. Однако девочка жила в отчем доме только до шести лет – затем ее забрали в Кусково и отдали на воспитание Марфе Долгорукой. Девочку отобрали у родителей с дальним прицелом: современники писали, что будущая звезда крепостного театра Шереметьевых с раннего детства обладала удивительным, завораживающим голосом. Услышав раз этот голос, двадцатидвухлетний граф Николай Шереметьев уже никогда не смог забыть его.

Талантливую дочь кузнеца растили как будущую приму. Прасковья прекрасно освоила нотную грамоту, игру на арфе и клавесине, говорила и пела и по-французски, и по-итальянски. Не каждая дворянка того времени мола похвастаться столь разносторонним образованием!

Однако готовили девочку совсем не к счастливому замужеству – Прасковья начала выступать на сцене знаменитого крепостного театра Шереметьевых, гремевшего на всю Россию, уже с одиннадцати лет. Вначале Парашенька выступала под псевдонимом Горбунова, но потом сам граф начал придумывать для своих крепостных актрис благозвучные фамилии: Яхонтова, Гранатова, Бирюзова... Так Прасковья стала Жемчуговой.

История донесла до нас множество версий первого свидания Параша и Николая, но достоверным можно считать лишь то, что граф заметил одаренную девочку еще совсем малышкой и потом издали следил за ее судьбой. Талант Прасковьи был настолько выдающимся, что сама императрица Екатерина Великая, присутствовавшая на спектакле «Самнитские браки» на музыку Гретри, в котором Прасковья Жемчугова пела партию Элианы, была

потрясена игрой юной артистки и пожаловала той бриллиантовый перстень с собственной руки.

Хрупкая, с виду болезненная девушка, выйдя на сцену, совершенно преобразалась. Помимо потрясающего, завораживающего слушателей сопрано Жемчугова обладала также несомненным сценическим талантом. Кроме того, юной актрисе были присущи кроткий нрав, скромность и самоотверженность.

Николаю Шереметьеву не приходилось и мечтать о том, чтобы назвать Прасковью своей перед Богом: крепостные девки, взятые в любовницы, будь они хоть прачками, хоть актрисами, предназначались лишь для одного – приносить плотскую утеху. Однако возвышенная натура Николая не находила никакого удовольствия в продажных или полученных насильно ласках.

Внезапная смерть любимого отца так подействовала на молодого графа Шереметьева, что он сильно запил и впал в депрессию. Вернула его к нормальной жизни все та же Прасковья, и тогда, чувствуя огромную благодарность к девушке, граф решил совершить невиданный по тем временам поступок – жениться на крепостной.

Прасковья Жемчугова, с которой ее талант и решение графа сыграли злую шутку, оказалась меж двух огней: высшее общество не принимало «девку» и «рабу», а прежнее ее деревенское окружение также отринуло молодую актрису, далеко ушедшую от крестьянского уклада. Кроме того, покровительствовавшая актрисе Екатерина II умерла, а взошедший на трон Павел I не желал давать разрешения на брак крепостной и графа.

Николай Шереметьев отличался завидным упорством, и отказ императора его не смутил: он решил добиться своего если не настойчивостью, то хитростью. Граф пригласил государя к себе во дворец послушать крепостной хор. Павел I, до этого никогда не видевший и не слышавший Жемчугову, а только наслышанный от придворных о «наглой девке», был так потрясен и голосом, и обликом этой необыкновенной артистки, что немедленно дал графу Николаю Петровичу согласие на брак.

Обвенчались Прасковья Жемчугова и граф Николай Шереметьев только через долгие 17 лет после начала их романа, в 1801 году, в Москве, в храме Симеона Столпника на Поварской. Свадьба была почти тайной – при венчании присутствовали лишь два обязательных свидетеля.

Граф увез любовь своей жизни в Петербург, однако сырой климат столицы не пошел певиче на пользу: склонная к туберкулезу Прасковья тяжело заболела. Сама новоиспеченная графиня Шереметьева считала свою болезнь карой за проведенные в грехе прелюбодеяния годы, но, словно бы желая разуверить ее в этом, Бог подарил ей нежданную радость – она забеременела. Беременность протекала тяжело, но и сама Прасковья, и Николай Петрович были на седьмом небе от счастья, мечтая о долгожданном наследнике. Именно во время беременности Прасковьи художник Иван Аргунов и написал ее знаменитый «Портрет Жемчуговой в полосатом капоте».

Сказки не всегда имеют счастливый конец: так и история любви крепостной певички и графа оборвалась на трагической ноте. Прасковья умерла на двадцатый день после родов, оставив безутешному мужу сына Дмитрия. В память о безвременно скончавшейся супруге граф построил странноприимный дом на Сухаревке, в котором сегодня расположен научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н. В. Склифосовского.

Граф Шереметьев так и не смог найти утешения у других женщин, да он и не искал его. Он пережил свою любимую Пашеньку всего на шесть лет...

Эдуард VIII Английский и Уоллис Симпсон

Историю любви принца Эдуарда Английского и американки Уоллис Симпсон, надевавшую когда-то много шума при королевском дворе Великобритании, называли когда-то самым скандальным романом XX века.

Уоллис Симпсон

В Великобритании до сих пор недолюбливают Уоллис – еще бы, ведь эта особа, кроме того что была незаконнорожденной, сменила двух мужей, прежде чем выйти замуж за Эдуарда! Не так давно на экраны королевства вышел фильм об отношениях Эдуарда и Уоллис Симпсон. Увы, в этом фильме не только Уоллис, но и Эдуард выставлены в самом непривлекательном свете. А между тем ради любви этой неординарной женщины король Великобритании пожертвовал троном!

В Америке, откуда Уоллис родом, нравы были куда свободнее, чем в чопорной Англии, и поэтому на то, что Уоллис рождена вне брака, там смотрели сквозь пальцы. В первый раз хорошенькая девушка вышла замуж в восемнадцать лет за летчика Уина Спенсера.

Скоропалительный брак, заключенный всего через два месяца после начала знакомства, не был удачным, и через шесть лет супруги развелись. Муж оказался пьяницей и колол молодую жену, а свободолюбивый нрав Уоллис не позволял ей терпеть такое отношение. Несмотря на осуждение родни – жена должна терпеть, а не выносить сор из избы! – Уоллис потребовала развода в связи с «жестоким обращением» и получила его.

Молодая женщина уехала в Вашингтон и поступила на работу в газету. Уоллис не блистала красотой, но была миловидна, общительна, остроумна, изящна и хорошо воспитана, поэтому в поклонниках у нее никогда не было недостатка. Приятную молодую особу приглашали на светские вечеринки, и на одной из них она познакомилась с дипломатом из Аргентины – доном Фелипе Эспиле.

Дон Фелипе был старше двадцатилетней Уоллис на девять лет. Он был красив, богат, и Уоллис, вначале ставившая себе целью выйти замуж за богатого аргентинца, совсем потеряла голову и согласилась стать его любовницей. Возможно, американка надеялась, что со временем Фелипе оценит ее и женится, но в намерения дипломата это не входило. Ему нужна была невеста из хорошей семьи, невинная девушка с солидным приданым, а вовсе не разведенная бесприданница Уоллис!

Через год любовники расстались. Фелипе Эспиле нашел себе подходящую партию и женился, а Уоллис осталась с разбитым сердцем, осуждаемая обществом, которое еще недавно принимало ее с распростертыми объятиями. Молодая женщина в отчаянии стремится уехать из Америки и принимает приглашение на работу в американском консульстве в Китае.

Там же, в Китае, она во второй раз выходит замуж. В этот раз мужем Уоллис становится английский бизнесмен Эрнест Симпсон. Эрнест оказался к тому же еще и разведенным, так что на первый брак своей новой жены он также смотрел как на «пробу пера».

Молодые поженились в 1928 году и сразу же переехали в Лондон, где у Уоллис немедленно образовался модный салон, который с удовольствием посещали представители как богемы, так и высшего общества. Салон Уоллис гремел на весь Лондон, так что совсем не удивительно, что в 1936 году она познакомилась с самим принцем Уэльским.

Эдуард с детства рос тихим, застенчивым ребенком. Даже став юношей, он оставался замкнутым и не спешил довериться кому бы то ни было. Друзей у него тоже практически не было, а свою первую любовь он пережил только в возрасте двадцати четырех лет.

Первой любовью Эдуарда стала Фрида Уорд – женщина на шестнадцать лет старше, решительная, самоуверенная, остроумная. Фрида была замужем, но ее муж, член палаты лордов и истинный политик, смотрел на увлечение жены принцем Уэльским более чем снисходительно.

Их связь длилась десять лет, и разрыв произошел на почве того, что Эдуард во что бы то ни стало решил жениться на Фриде. Мало того, наследник престола заявил об этом во всеуслышание! Королевский двор был шокирован: невеста оказалась совсем не молода и вряд ли подарила бы английской короне наследников. К тому же эта принцесса еще и будет разведена! Не остался в стороне и муж Фриды, реноме которого на политическом поприще развод мог повредить. Да и саму Фриду, если честно, не устраивал ни скандал, ни косые взгляды родственников Эдуарда...

Фрида разорвала отношения с наследником престола и уехала в поместье мужа. А королевский двор стал спешно подыскивать принцу невесту, как положено, из хорошей семьи. Но Эдуард и слышать не хотел о династическом браке, потому что он верил в настоящую, бескорыстную любовь. И вскоре нашел то, что искал, – свою единственную и неповторимую Уоллис.

Любопытно, что познакомила их недолгая любовница Эдуарда Телма Фернесс, жена лорда Фернесса. Телма была ослепительно красива, но не умна. Сегодня любой психолог сказал бы, что Эдуард в лице жены хотел обрести надежного друга, собеседника и отчасти мать, а такие качества, как красота или общественное положение, волновали его меньше всего.

Принц влюбился в Уоллис с первого взгляда, и она довольно скоро поделила его страсть. Тридцативосьмилетней миссис Симпсон казалось забавным завести интрижку с самим представителем королевского двора, но для сорокалетнего Эдуарда, который переживал происходящее как первую настоящую любовь, все было более чем серьезно.

В 1936 году умер король, но даже то, что отныне он являлся наследником трона, не охладило желания Эдуарда отдать всего себя Уоллис. В сорок два Эдуард вступил на престол. Однако когда кабинет министров поставил королю на вид, что тот все еще не женат и неплохо

было бы династии обзавестись наследником, король заявил: «Я женюсь только на Уоллис Симпсон!»

Разразился страшный скандал, центром которого стали король и его любовница. В Лондоне проходили манифестации с лозунгами «Долой американскую проститутку!» и «Шлюха, верни нашего короля!». Против Уоллис восстали буквально все: родственники короля считали ее вульгарной – что, впрочем, было недалеко от истины, а коренные англичане просто не хотели видеть на престоле дважды разведенную американку. «Высшим классам не нравится, что Уоллис – американка, но им плевать на два ее развода. Низшие классы безразличны к ее подданству, но их ужасает мысль, что король будет ее третьим супругом», – так сказал в своем докладе один из министров Великобритании.

Об Уоллис распускали жуткие сплетни: говорили, что она приворожила короля сексуальными приемами, которым научилась в китайском борделе, и что, еще не выйдя замуж, она уже изменяет Эдуарду... с торговцем подержанными автомобилями! Нелепые слухи и сплетни довели мужа Уоллис до истерического состояния, а сама она ежедневно получала сотни писем с оскорблениями в свой адрес.

Нужно отдать должное мягкому и нерешительному Эдуарду – он остался неколебим, как скала. Злые языки утверждают, что он сам попросил руки Уоллис у... ее мужа. Тот легко согласился на развод, лишь бы избавиться наконец от неприятностей. Женитьба на женщине своей мечты стоила Эдуарду трона – впрочем, он подписал отречение безо всяких колебаний и сожалений. И без проволочек сразу же женился на уже бывшей миссис Симпсон.

После отречения Эдуарду был присвоен титул герцога Виндзорского – соответственно, Уоллис стала герцогиней. Теперь те, кто распускал о ней грязные слухи, были обязаны ей кланяться и называть «ваше королевское высочество»! Ну чем не счастливый конец для сказки о Золушке? Однако гордые англичане не пожелали ломать шапку перед дважды разведенной американкой, поэтому под нажимом общественного мнения был составлен «Акт о лишении», согласно которому титул «королевское высочество» не распространялся ни на жену герцога Виндзорского, ни на его потомков.

Экс-король и его жена покинули недружелюбные к ним берега Великобритании. Перед отплытием Эдуард тепло попрощался с новым королем – Георгом VI, своим братом и отцом нынешней королевы Елизаветы II. В своем добровольном изгнании герцогская чета была счастлива. Поженились Эдуард и Уоллис уже во Франции. Уоллис сама позаботилась обо всем: о кольцах, подвенечном платье и даже о том, чтобы разослать немногочисленным оставшимся в Англии друзьям кусочки свадебного пирога. Один из этих кусочков она собственноручно завернула в платок и по традиции хранила всю свою жизнь.

Перед Второй мировой войны супруги уехали в Америку, где прожили в любви и согласии до самой смерти. Уоллис держала Эдуарда в ежовых рукавицах: не разрешала выпить лишнюю рюмку, буквально за руку водила к врачу, а также могла сделать замечание, если считала, что муж говорит глупости!

Может быть, кого-то другого такое обращение и шокировало бы, но Эдуард был счастлив. Однако не стоит думать, что Уоллис делала только то, что хотела: нет, для счастья любимого она также пожертвовала многими своими привычками – например, напрочь отказалась от вечеринок и ночных клубов. Она сама готовила и накрывала на стол, зная, как нравится это мужу. Детей у супругов не было, поэтому Эдуард отдавал себя любимому увлечению – цветоводству. Кроме цветов, в герцогском доме обитали любимые супругами собаки – четыре ухоженных мопса.

После войны супруги переехали в Париж, город вечной любви. Купили особняк в Булонском лесу и зажили тихой семейной жизнью. На родине Эдуард побывал всего дважды: на похоронах брата и матери.

А вот на коронацию нынешней королевы Великобритании Елизаветы он поехать отказался, мотивируя это тем, что в истории английской монархии не было такого прецедента, чтобы бывший король присутствовал на коронации нового!

К тому времени об отношениях Эдуарда и Уоллис был снят очень теплый фильм под названием «История короля». На премьере присутствовали и Эдуард, и Уоллис. Посмотрев его, Эдуард пожал руку продюсеру Джеку Левьену и воскликнул: «О, Джек, я проплакал всю картину!» Уоллис же, глядя на своего обожаемого супруга, спросила: «Теперь вы поняли, от чего он отказался?» На что Эдуард, нежно поцеловав жену, ответил: «По сравнению с тем, что я получил взамен, – от очень небольшого!»

В 1970 году у Эдуарда обнаружили рак горла – результат его привычки к курению, от которой Уоллис всю жизнь умоляла его отказаться. Курение было единственной привилегией, на которой он настаивал, и последствия оказались более чем плачевны. Рак не пощадил бывшего короля – он прошел через все круги ада: облучение, химиотерапию, облысение, угасание и, наконец, мучительную смерть.

Умиравшего Эдуарда волновало лишь одно – не разлучат ли их с Уоллис после смерти? Как человек религиозный, Эдуард верил в то, что они с женой встретятся на небесах, но что будет с их бренными телами здесь, на земле? Больше всего он боялся, что после смерти его положат в фамильную спальню Виндзоров, а вот для Уоллис места там наверняка не найдется! Поэтому еще при жизни этот мужественный, умирающий от не щадящей ни нищих, ни королей болезни человек купил два места на кладбище в американском Балтиморе и написал завещание, согласно которому его жену должны были похоронить рядом с ним.

Королева Елизавета, весной 1972 года навестившая умирающего дядю, была очень мила и приветлива с его женой и клятвенно пообещала, что если Эдуард разрешит похоронить себя в Лондоне, то его супругу со временем похоронят там же. Эдуард был растроган отношением Елизаветы к Уоллис, однако он слишком хорошо знал цену монаршим клятвам и потребовал от племянницы письменного подтверждения. И только получив его, дал разрешение после смерти увезти свое тело в Лондон...

Скончался Эдуард 28 мая 1972 года. На похоронах его вдова держалась с истинно королевским достоинством, вызывая восхищение всех тех, кто в прошлом поливал ее имя грязью. Сразу же по окончании траурных церемоний Уоллис вернулась в Париж, в любимый особняк в Булонском лесу.

Смерть Эдуарда не прошла бесследно для этой любящей женщины: через месяц после похорон с Уоллис случился инсульт. В течение шести лет здоровье ее непрерывно ухудшалось, но она боролась, как могла: писала книги об Эдуарде, отвечала на письма и даже давала интервью, хотя последнее было для нее уже тяжело. До самой своей смерти Уоллис каждый вечер целовала подушку на той стороне супружеской кровати, где когда-то спал муж, и желала любимому спокойной ночи...

Через шесть лет после первого инсульта Уоллис перенесла второй, на долгие годы приковавший ее к постели в одной из парижских клиник. Умерла Уоллис Симпсон, герцогиня Виндзорская, в 1986 году, пережив того, кого так любила, на четырнадцать лет. Королева Елизавета II сдержала слово, и Уоллис была похоронена рядом с мужем. Будем надеяться, что на небесах эти любящие сердца так же легко и без помех нашли друг друга...

Грейс Келли и принц Ренье

Ко времени своей встречи с принцем крохотного княжества Монако Ренье американская актриса и звезда кино Грейс Келли уже успела прославиться. Ее партнерами по фильмам были такие кумиры толпы, как Кларк Гейбл, Эва Гарднер, Гарри Купер и Марлон Брандо.

Грейс Келли и принц Ренье

У Грейс была безупречная внешность, и до карьеры в кино она успела поработать моделью. При росте в 176 см она весила 58 кг, при этом актриса совсем не казалась тощей! Объем ее груди составлял 88 см, бедер – 89, а талии – 60. Кожа Грейс поражала фарфоровой гладкостью и белизной, а глаза были удивительного оттенка пармской фиалки...

Однако дело было даже не в идеальных формах. Образы женщин, которые она воплощала на экране, притягивали к себе мужчин, как магнит. К двадцати шести годам актриса успела стать любимицей культового режиссера Хичкока, получить множество предложений руки и сердца, в том числе от самого шаха Ирана. За внешней холодностью Грейс скрывалась горячая, увлекающаяся и порывистая натура, и много раз она была почти готова дать согласие выйти замуж. Но что-то подсказывало, что ее великая любовь еще впереди, – и Грейс отказывала всем. Уехал ни с чем и иранский шах.

Детство Грейс было очень счастливым: она выросла в семье удачливого предпринимателя и актрисы, и отец безмерно гордился своей красавицей дочерью, баловал ее, говоря, что руки его девочки достоин разве что принц...

А принц в это время правил маленькой страной, которую можно было пересечь из конца в конец на велосипеде. Однако принц Ренье был самым настоящим наследным принцем из древней и почитаемой династии Гримальди. Княжество, доставшееся принцу, было не самым процветающим, но он делал все, чтобы его страна развивалась. Мудрый и дальновидный политик, принц Ренье понимал, что жениться нужно из династических соображений, но сердце подсказывало ему совсем другое...

Множество голливудских красавиц ежегодно приезжали на фестиваль в Канни, город, расположенный от Монако «через дорогу». Принц видел много ослепительных женщин, но тронула его сердце лишь одна – американка Грейс Келли.

Келли возглавляла на фестивале американскую делегацию и явилась в резиденцию принца по поручению журнала «Пари Матч». Журналу нужна была эффектная фотография, и актриса легко согласилась помочь, даже не догадываясь, насколько судьбоносной будет ее встреча с главой крохотного государства.

День, когда они встретились с князем, как считала сама Грейс, не задался с самого начала. Из-за забастовки профсоюзов во всем городе выключили электричество, и актриса не смогла высушить и уложить волосы, поэтому ей пришлось свернуть их на затылке в простой пучок. Также она надела платье, не требовавшее глажки, – простое, черное, единственным украшением которого был узор с крупными розами. Этикет представления ко двору предусматривал шляпку, но в гардеробе Грейс ее не оказалось. Тогда она наспех соорудила веночек из искусственных цветов и пришила его к волосам. На выезде из отеля машина, в которой ехала Грейс, столкнулась с другим автомобилем. Никто не пострадал, но сама актриса посчитала это дурным предзнаменованием.

День князя Ренье до встречи с Келли также шел наперекосяк: из-за той же забастовки он сильно опаздывал на встречу с кинозвездой, поэтому нервничал. Однако, быстрым шагом войдя в зал, где была назначена встреча, князь увидел там презабавную сцену – Грейс перед зеркалом училась делать реверанс. Плохое настроение князя как рукой сняло. Так, под вспышками фотоаппаратов, под возгласы «Улыбайтесь!» и произошла встреча, которая вскоре перевернула судьбы обоих.

И Грейс, и Ренье сразу почувствовали симпатию друг к другу, однако пообщаться наедине, без спешки и суеты им так и не удалось. Грейс улетела обратно в Америку, оставив наследного принца размышлять и о судьбах княжества, и о собственной судьбе. В конце концов Ренье написал Грейс письмо, она ответила – и полгода, пока крепили взаимные чувства, актриса и князь переписывались. И с каждым письмом они оба убеждались, что жизнь не зря свела их: эти люди, которых разделял океан, чувствовали себя половинками единого целого, с каждой новой весточкой они становились все ближе и ближе.

И вот, решив ознаменовать новый, 1966 год выдающимся государственным решением, князь Ренье прилетел в Америку с твердым убеждением: он наконец-то нашел свою принцессу!

Ренье сделал любимой предложение вполне в духе времени: прямо посреди предпраздничной суеты огромного Нью-Йорка. Именно здесь, в многомиллионном мегаполисе, где могли поместиться жители двух тысяч таких княжеств, как его собственное, и где никому не было дела до случайных прохожих, он, Ренье III, герцог де Валентинуа, граф Карладез, барон Бюи, сир Матиньон, сеньор Сен-Реми, граф Ториньи, герцог Мазарини, и сделал своей избраннице предложение. Прямо на улице он протянул Грейс коробочку с кольцом и сказал простые слова, какие мужчины произносят с начала всех времен: «Любимая, выходи за меня замуж!»

Родители актрисы были польщены, и даже то, что за дочерью, которая после свадьбы также будет именоваться принцессой, нужно было дать поистине королевское приданое – два миллиона долларов – не омрачило их радости.

Единственным «но», которое терзало Грейс перед свадьбой, было то, что по протоколу ей предстояло пройти медицинское обследование, подтверждающее, что будущая княгиня способна подарить престолу наследника. Однако врачи выявят и то, что она давно уже не девственница! Почему-то именно это она хотела скрыть от Ренье, хотя и он, и она были вполне взрослыми современными людьми. Это терзало ее и казалось непреодолимым. Но бывший любовник Грейс, с которым она поделилась проблемой, Дон Ричардсон, дал ей хороший совет: «Скажи, что еще в школе ты неудачно выполнила гимнастическое упражнение». Князь удовлетворился объяснением Грейс – а иначе и быть не могло. Какой же он был бы принц, если бы не поверил своей Золушке?

Грейс приплыла на собственную свадьбу в компании пяти подружек, личного парикмахера и любимой собаки – пуделя Оливера. На пристани невесту встречал сам князь в парадном мундире, а когда их руки соединились, из парящего в небе самолета на них посыпался дождь из алых и белых гвоздик – это был подарок друга семьи князя, миллионера Онассиса.

Пышная свадьба, фотографии которой долго не сходили со страниц журналов всего мира, состоялась в апреле 1966 года. Грейс блистала в изящном платье, сшитом из старинных кружев, а строгая классическая красота как нельзя лучше подходила к ее новому титулу. Кроме того что здесь слились воедино красота, деньги и знатность рода, эту пару объединило то, что цементирует брак лучше всего, – здесь присутствовала сама любовь. Супруги прекрасно ладили, замечательно дополняли друг друга – это и составляло истинную гармонию. Грейс как никто другой умела расположить к себе людей, и порой вовремя сказанное ею ласковое слово сглаживало мужскую прямолинейность Ренье.

Вскоре у пары появилась дочь Каролина Маргарита Луиза, а через год – сын и наследник трона Альбер. Вслед за ним родилась еще одна дочь – принцесса Стефания. Грейс, которая принесла в небогатое княжество новые финансовые возможности, была буквально боготворима народом. И дети, которых она родила, были обещанием того, что княжеский род Гримальди не угаснет.

Князь Ренье грамотно распоряжался финансовыми вложениями, и вскоре княжество стало процветать: этому способствовал и игорный бизнес, и проведение гонок «Формула-1», и туристы, хлынувшие в страну после сказочной свадьбы. В Монако строились новые роскошные отели, реконструировались дороги, открывались банки, гарантирующие тайну вкладов и низкие ставки налогообложения.

Князь занимался исконно мужскими делами, а на долю Грейс оставались приятные хлопоты по дому, устройство праздников да участие в официальных мероприятиях. Она занималась благотворительностью, устраивала для детей княжества рождественские елки, раздавала подарки... Она была молода, прелестна и доступна для всех: каждый житель страны мог пожать ей руку!

Однако после полной событиями жизни актрисы роль жены все чаще стала казаться Грейс пресной. И когда ей снова предложили сняться в кино, радости княгини Монако не было предела. Сам князь одобрил ее новую роль в фильме Хичкока и уже готов был отпустить жену вместе с детьми на время съемок в Америку, но... жители княжества буквально засыпали резиденцию Грейс и Ренье гневными письмами! «Княгиня Монако не может сниматься в кино!» – таков был единодушный вердикт подданных, и под давлением народа князь запретил жене сниматься.

Грейс пришлось покориться, но это стоило ей нервного срыва и депрессии. Целую неделю она не выходила из своей комнаты, и супружеская жизнь князей Гримальди за эту неделю, похоже, дала трещину. Как оказалось, за все надо платить. И за княжескую корону Грейс заплатила самую высокую цену – она пожертвовала своими личными интересами. Также на собственном печальном опыте она познала и ту простую истину, что принцессы тоже плачут и их жизнь состоит не из одних приятных моментов.

Подданные называли Грейс «ангелом», но в действительности под ее ангельской внешностью нежной блондинки клокотал вулкан страстей. Когда дети повзрослеют и Грейс начнет писать воспоминания о своей жизни, характер ее помогут четко обрисовать такие строки: «Если история моей реальной жизни будет когда-нибудь рассказана, люди поймут, что я была живым существом, а не сказочным персонажем».

Кроме того что жизнь Грейс становилась все более похожей на жизнь принцессы, запертой в башне, она постепенно разочаровывалась и в муже: Ренье уже не казался ей тем галантным и оживленным человеком, которым она когда-то увлеклась. По характеру князь был скорее нелюдим, не выносил светской жизни, а больше всего любил животных. При

резиденции князя имелся целый личный зоопарк. Спать Ренье предпочитал ложиться рано, и его жена вскоре поняла, что нет ничего более грустного, чем одинокие вечера...

Грейс была талантлива во всем: борясь с одиночеством, она нашла себе новое занятие – создание картин из засушенных цветов. В княжестве даже прошла выставка ее работ, которая имела ошеломительный успех. Один лишь князь Ренье был недоволен: он ревновал жену к ее способности располагать к себе людей, к ее успехам в обществе... Сказка давно закончилась, и наступили будни, в которых князь позволял себе некрасивые вещи. Он срывался, унижал жену в присутствии других, делал ей резкие замечания, и частенько Грейс выходила из его кабинета вся в слезах...

После сорока к частым депрессиям Грейс добавились новые проблемы: дети выросли и, похоже, не оправдали надежд. Наследник титула Альбер не интересовался государственными делами, а увлекался лишь спортом и женщинами. У старшей, Каролины, один неудачный роман сменялся другим, а младшая Стефания и вовсе была неуправляемой. Золотая клетка, в которую была заточена Грейс, стала казаться ей не такой уж золотой...

Заполнить пустоту Грейс попыталась с помощью все той же любви, однако любовники, становящиеся с каждым разом все моложе и моложе, не врачевали душу, а лишь все больше опустошали ее. Грейс мечтала вернуться в профессию и создать в Монако драматический театр, но этой мечте, как и многим другим, не суждено было осуществиться.

Утром 14 сентября 1982 года Грейс со своей младшей дочерью Стефанией собрались на автомобильную прогулку. Машину должен был вести шофер, но внезапно принцесса отстранила его: «Сегодня я поведу сама. Мне нужно серьезно поговорить с дочерью».

Через десять минут после того, как машина тронулась с места, она рухнула в пропасть. Дочь отделалась легким испугом, а вот Грейс получила несовместимые с жизнью травмы. Ее привезли в клинику, но через сутки с разрешения семьи отключили от обеспечивающей жизнь аппаратуры...

Князь Ренье пережил жену на долгие двадцать лет, но так больше и не женился. Жители княжества, боготворившие Грейс при жизни, после смерти возвели ее чуть ли не в ранг святой. К двадцатипятилетию со дня смерти принцессы Монако была выпущена монета номиналом два евро, на реверсе которой она изображена во всем блеске своей удивительной красоты.

Принц Чарльз и Камилла Паркер-Боулз

При жизни первой жены принца Чарльза, леди Дианы, которую во всем мире обожали, а сами англичане буквально боготворили, любовницу ее мужа, Камиллу Паркер-Боулз, называли не иначе как «разрушительница семейного очага». Однако давайте задумаемся, легко ли было самой Камилле пережить эти бесконечные тридцать пять лет в ожидании собственного счастья? Остаться «черным лебедем»? Сносить сплетни за спиной, недоброжелательные взгляды? Ведь это именно она, а не Диана была первой любовью принца, которой ему пришлось поступиться в угоду собственной семье. Прошло уже более пятнадцати лет со времени гибели леди Ди, и, наверное, пришла пора по-другому взглянуть на историю любви принца Чарльза и его теперешней жены.

Принц Чарльз и Камилла Паркер-Боулз

Принц Чарльз и Камилла, тогда еще Камилла Шенд, познакомились в далеком 1970 году. Свела их сама судьба в лице тогдашней подружки Чарльза Люсии Санта-Крус, красавицы и дочери чилийского посла. На одном из светских раутов Люсия подвела Чарльза к Камилле и сказала: «Это Камилла Шенд. Она именно такая девушка, какая тебе нужна!» Слова Люсии оказались пророческими – связь с Камиллой прошла через жизнь Чарльза красной нитью, и что бы он ни делал, где бы ни находился, он никогда не забывал решительную и красивую девушку по имени Камилла...

Принц Чарльз никогда не был скромником, и в молодые годы у него не было недостатка в любовницах. Он всегда следовал совету дядюшки своего отца, лорда Маунтбаттена: «Пока ты молод и свободен, нужно веселиться по полной, развлекаться как можно с большим количеством красоток. А потом остепениться и взять в жены подходящую девушку, желательно девственницу!»

Чарльз был весьма раскрепощенным молодым человеком: он «крутил любовь» и с люксембургской принцессой Марией Астрид, и с дочерью испанского посла Джорджиной Рассел, и с молодыми аристократками из самых титулованных семей своей страны, такими как леди Трайон и Джейн Уэллесли. Также принц не обошел вниманием представительниц богемы. В свое время у него был бурный роман с актрисой Сьюзен Джордж и связь с моделью Фионой Уотсон. Казалось бы, Камилла будет следующей в длинном списке любовных побед принца, но...

Именно этой истории суждено было оказаться лавстори всей его жизни. А началось все с интригующего вопроса Камиллы: «Знаете, моя прабабка, Элис Кеппел, была любовницей вашего прапрадеда, Эдуарда VII. Может, нам с вами тоже стоит попробовать?» Многоопытный лорд Маунтбаттен заметил, что в этот раз племянник увлекся девушкой по-настоящему и дело может даже кончиться женитьбой. Обеспокоились и другие члены семьи принца Чарльза: ведь брак наследника престола – дело государственное, которое ни в коем случае нельзя пускать на самотек!

Семья сочла Камиллу Шенд совершенно неподходящей кандидатурой на роль будущей принцессы, а затем, того и гляди, королевы Великобритании. Заботило королевскую семью не происхождение Камиллы – здесь все было более-менее гладко. По материнской линии девушка была внучкой лорда Эшкомба. Отец Камиллы, хоть и не относился к высшей аристократии, был человеком весьма состоятельным и принятым при дворе. Семье не нравилась репутация самой Камиллы – та слыла девицей разбитной и ко времени встречи с принцем была отнюдь не девственницей... Разумеется, времена были совсем не средневековые, но королевская фамилия дружно встала на дыбы: Камилла не то, что нужно!

Бойкая девчонка, которую с детства звали уменьшительным именем Милле, росла в родовом замке, бегала, прыгала и лазала по деревьям, как мальчишка. Обожала лошадей и охоту. Ей еще не было тринадцати, когда она прошла обряд посвящения в настоящие охотники: девочке мазнули по щеке кровью убитой ею на охоте лисицы. Милле так гордилась этим фактом, что смыть кровь ее с трудом заставили только на следующий день! И хотя в школе, где она училась, были девочки гораздо более красивые, у Камиллы никогда не было недостатка в поклонниках. Живой характер Камиллы всегда привлекал к ней сначала мальчишек, затем юношей, а потом уже и зрелых мужей.

С невинностью, которой никогда не дорожила, Камилла рассталась в 17 лет. Сделала это она, можно сказать, публично: все знакомые узнали имя «победителя» – им стал девятнадцатилетний Кевин Берк, сын известного авиапромышленника, с которым девушка познакомилась на балу дебютанток. Дебют вышел громким: Камилла повсюду разъезжала со своим бойфрендом на ярко-желтом спортивном «ягуаре» и не пропускала ни одной вечеринки.

Однако Кевин довольно быстро ей наскучил: темпераментной девице требовался не мальчик, но муж. Таким оказался капитан кавалерии, красавец Эндрю Паркер-Боулз, и Милле без сожаления бросила наследника авиапрома. Но Эндрю был слишком избалован женским вниманием и Камилла в то время для него стала всего лишь одной из многих...

Именно тогда, когда Камилла переживала крах своего увлечения капитаном Паркер-Боулзом, она и встретила обаятельного принца Чарльза. И в этот раз все оказалось настоящим. Влюбленные буквально потеряли голову. А когда с людьми случается первая настоящая любовь, это видно невооруженным глазом. И если эта любовь не ко времени или, как в случае с принцем, не ко двору, родственники принимают меры.

Дядюшка Маунтбаттен нашептывал на ухо Чарльзу: «Никогда не женись на той, с которой ты уже переспал!» Мать принца также была недовольна, но на него ничего не действовало. Потому что он не был влюблен – он любил. И тогда принца от греха подальше решили послать в военный поход. Военная служба – святое для офицера, и он подчинился.

Когда Чарльз в буквальном смысле уплыл за горизонт, капитан Паркер-Боулз снова подкатил к Камилле. Ведь теперь она была не «одной из многих», а подружкой самого принца, наследника британской короны! Отбить любовницу, считай, самого короля – это была достойная победа.

Эндрю сделал Камилле предложение, и... она согласилась! Согласилась не потому, что снова воспылала к капитану страстью, но потому, что слишком хорошо понимала: с такой тяжелой артиллерией, как семья принца, ей не справиться. К тому же Чарльз отправился неизвестно куда, не сделав ей предложения и даже не поклявшись в том, что будет любить ее всегда, несмотря ни на какие расстояния...

Чарльз, вернувшийся из похода, был убит неверностью Камиллы. Однако в скором времени пострадал и сам любитель подковерных интриг, лорд Маунтбаттен: дядюшка, подсунивший Чарльзу очередную «достойную кандидатку» – свою собственную внучку Аманду Нэчбулл, был убит ирландскими террористами.

Хитрый лорд, желавший иметь влияние на принца через жену, оказывается, давно вынашивал планы относительно женитьбы Чарльза на Аманде. Однако невеста была слишком молода – ей было всего семнадцать, в то время как Чарльзу уже перевалило за тридцать. К тому же при взрыве погибли дедушка Аманды и младший брат – и девушка, сраженная таким стечением обстоятельств, решила отказать сиятельному жениху.

Елизавета II пришла в волнение: сыну исполнилось тридцать два, а он до сих пор не женат! Более того: у королевства до сих пор нет наследников! Срочно стали подыскивать новую невесту и остановились на кандидатуре Дианы Спенсер. Чарльзу, который давно потерял Камиллу, было безразлично, что одна невеста, что другая... К тому же Диана ему нравилась, и он дал согласие. И совершил роковую ошибку своей жизни.

Говорят, что Камилла одобрила кандидатуру невесты, и даже предложение Чарльз сделал именно в саду семьи Паркер-Боулз. Миссис Боулз нравилась свежесть и невинность Дианы, но более всего – ее неопытность. Камилла предполагала, что за спиной этой простушки она сможет продолжать по-прежнему встречаться с Чарльзом. Потому как сама она недолго хранила верность своему мужу – не прошло и двух лет со времени их женитьбы, как они с Чарли снова стали любовниками... Чарльз крестил сына четы Боулз и нередко навещал их дом на правах крестного, однако вел он себя совсем не как родственник. Нередко они с Камиллой занимались любовью в ее комнате, дождавшись, пока законный муж уснет в своей спальне.

Диана отнюдь не была простушкой. Более того, она знала о романе своего будущего мужа и Камиллы. Она даже знала то, что всего за пару дней до свадьбы ее будущий муж сделал миссис Боулз подарок – памятный браслет с гравировкой их шуточных прозвищ, которыми они когда-то друг друга наградили. Однако она и не подумала разорвать помолвку. Надеялась ли Диана со временем завоевать любовь Чарльза? Или просто подчинилась обстоятельствам? Наверное, на ее выбор повлияло также то, что ее руки добивался сам принц...

Когда в семье в скором времени начались скандалы, все сочувствовали бедняжке Диане и осуждали ее неверного муженька. Диану считали яркой, талантливой, невинной жертвой, а Чарльз производил впечатление коварного и недалекого ловеласа... Между тем Чарльз отнюдь не был неучем: он успешно окончил Кембридж, где изучал историю и археологию, пел, играл на фортепиано и на трубе. И даже выступал в качестве виолончелиста с симфоническим оркестром! Кроме прочего, принц был еще и талантливым художником – его картины и литографии были распроданы на сумму более четырех миллионов фунтов, и все эти деньги пошли в благотворительные фонды. Но обо всем этом мало кто думал, потому что на фоне ангельской внешности страдающей Дианы он выглядел неким злым гением...

Несмотря ни на что, Чарльз и Камилла продолжали встречаться. У них было много общего: охота и страсть к лошадям, собаки и сельская жизнь, музыка и природа, живопись

и литература... А какие полные нежности письма Камилла писала возлюбленному! Именно они с их неподдельной страстью и сквозящей в каждой строчке любовью послужили поводом для развода Дианы и мужа, после того как леди Ди случайно обнаружила и прочитала их. После скандального развода бывшие супруги разъехались, а спустя пять лет Диана трагически погибла в автомобильной катастрофе вместе со своим любовником.

Только после смерти бывшей жены Чарльз решился заговорить со своей матерью о женитьбе на любви всей своей жизни. К тому времени Камилла также стала свободной – муж дал ей развод. Королева пришла в ярость. «Я не желаю даже слышать об этой порочной женщине и тем более иметь с ней дело!» – кричала она. Однако в этот раз Чарльз сумел настоять на своем. Он открыто появлялся с Камиллой на публике и больше не скрывал своих отношений.

Прошло еще семь лет, прежде чем королева уступила и дала свое согласие на брак сына с Камиллой. Уж лучше пусть он живет с законной женой, чем с любовницей, – приняла она судьбоносное решение. Свадьбу Чарльза и Камиллы Елизавета не сочла возможным посетить, но сегодня свекровь и невестка прекрасно ладят. В знак своего расположения и окончательного примирения с выбором сына Елизавета на праздновании бриллиантового юбилея своего правления усадила Камиллу на почетное место рядом с собой.

История любви Чарльза и Камиллы пока не окончена – как у любых супругов, у этой пары бывают размолвки и ссоры. Да и к Камилле далеко не у всех и сегодня однозначное отношение. Однако то, что эта Золушка ждала своего принца долгих тридцать пять лет, заслуживает и восхищения, и уважения.

Абдалла II и Рания Файсал аль-Ясин

Королева Рания не всегда была королевой, хотя и внешность, и осанка у этой улыбчивой женщины поистине королевские! Родилась она в 1970 году в Кувейте, в семье палестинцев. Класс, к которому принадлежали родители Рании, гордо именовался буржуазией, но до того уровня, где вращаются отпрыски королевских семей, буржуазии во все времена было далеко.

Рания Файсал аль-Ясин

Помимо прекрасной внешности Рания обладала незаурядным умом и сначала блестяще окончила колледж, а затем получила степень в Американском университете Каира. Девушка собиралась пойти по стопам своих родителей и заняться бизнес-администрированием, но судьба уготовила ей совершенно иную роль...

В начале 1990-х семья Рании переехала из Кувейта в столицу Иордании. Переезд совершился не от хорошей жизни: этому способствовали война, иракская оккупация, во время которой многие коренные жители обвиняли палестинцев в сотрудничестве с захватчиками. Но, несмотря на трудности, Рания знала: если много и целеустремленно работать, то тебя непременно заметят и успех войдет в твою жизнь!

Рания трудилась не покладая рук: сначала она поступила на работу в офис иорданского представительства компании «Apple». Но вскоре там ей отказали в руководящей должности, и подоплека этого отказа была более чем прозрачной: Рания была женщиной, причем женщиной Востока. Будущая королева хлопнула дверью и ушла работать в банк, который по прихоти судьбы принадлежал семье ее будущего мужа.

Именно там к этой красивой и трудолюбивой девушке пришел не только успех – однажды в ее жизни появился не кто иной, как сам прекрасный принц! Знакомство молодых людей было прозаичным: принц заметил девушку не на вечеринке и не на страницах глянцевого журнала (Рания попадет на них гораздо позже), а просто в офисе. Однако Амуру все равно, где пускать стрелы, – и принц Абдалла был поражен в самое сердце.

Не осталась равнодушной к мужественному, обаятельному и умному мужчине и Рания. Всего пара месяцев свиданий, и молодые люди решили объявить о помолвке. Чувства Абдаллы и Рании были столь сильны и чисты, что свадьбу решили не откладывать. Пышное торжество состоялось в июне 1993 года, и Абдалла уже на законных основаниях смог поцеловать сияющую от счастья жену.

Принц Абдалла не был наследником престола – трон должен был достаться его брату, принцу Хусейну. Однако перед смертью отец принца, его величество король Иордании Хусейн, назначил своим преемником именно Абдаллу. Так после кончины своего отца на трон вошел король Абдалла, а Рания стала самой настоящей королевой.

Честно говоря, о короне Рания не мечтала никогда. И даже когда Абдалла женился на ней, Ранию не посещали подобные мысли. Иногда она с легкой грустью вспоминает о тех временах, когда им с мужем не нужно было так строго блюсти придворный этикет и они могли больше времени посвящать личным делам.

Однако, став королевой Иордании, Рания принесла своей стране огромную пользу. Она не просто королева – она королева-труженица. Столько работать, сколько работает она, приходится далеко не всякой Золушке! Помимо благотворительности Рания активно борется за права женщин Востока. Сама королева Рания никогда не носила предписываемый религией платок-хиджаб. Когда-то, давая интервью журналу «ELLE», она сказала: «Давайте судить о женщинах по тому, что у них в головах, а не на головах!» Именно Рании принадлежала идея создания Иорданского фонда, который помогает женщинам обретать финансовую независимость и заниматься бизнесом. Еще она ведет масштабную работу, посвященную борьбе против жестокого обращения с детьми и защите прав семей.

Дворец стал для Рании домом, но она запросто выходит на улицу, общается с людьми, а также имеет собственную страничку в «Twitter». Несмотря на крайнюю загруженность – все-таки быть королевой не только почетно, но и крайне обременительно, – она каждый день старается отвечать на задаваемые вопросы. Собственный сайт Рании пользуется просто бешеной популярностью, и многие его посетители бывают несказанно удивлены, что сама королева отвечает им простым и понятным языком!

Король Абдалла – прекрасный отец, а Рания – нежная, любящая мать. У них с мужем четверо детей: два мальчика и две девочки. И своих детей королева старается воспитывать так же, как когда-то была воспитана сама, – в любви и преданности.

Безусловно, такие родители, как Рания и Абдалла, служат маленьким принцам и принцессам примером самоотверженного трудолюбия на благо своей страны. Но все же, когда за семьей закрываются двери их загородного дома, принцы, принцессы, король и королева становятся просто людьми.

Рания с дочерьми любит готовить, Абдалла помогает старшему сыну делать уроки и с удовольствием строит игрушечные города с младшим. В то время, когда она принадлежит только семье и детям, королева любит и сама поиграть и подшутиться. Еще Рания очень любит читать своим детям книги – истории о Гарри Поттере она вместе с детьми прочла от корки до корки! Сначала отец, а потом уже монарх Абдалла с удовольствием устраивает в саду барбекю и утверждает, что никто во всем мире лучше него не готовит мясной стейк!

Хотя для монарших особ и существует дресс-код, королева предпочитает одеваться очень просто. Любимая одежда Рании – светлые джинсы, блузки и рубашки простого покроя, сандалии и элегантные туфли на шпильке. В одежде королева настолько удачно сочетает

вещи западного и восточного стиля, что многие говорят о появлении «стиля королевы Рании».

Так, в 2003 году к монаршему титулу Рании добавилось звание «Королева элегантности мира». Этот почетный титул был присвоен ей по результатам опроса, который провел через Интернет популярный британский журнал «Hello!». Опрос, в котором участвовали респонденты со всего мира, продолжался ни много ни мало целый год! Кандидатами на почетное звание были, помимо коронованных особ и принцесс, актрисы, звезды шоу-бизнеса и топ-модели. Однако Рания легко обошла всех и получила более 32 % голосов. А законодатель моды Джорджио Армани как-то признался, что Рания является главной музой его творчества.

И все же, хотя королева Рания входит в десятку самых популярных монарших особ мира, она до сих пор остается сама собой. Корона, которая портит многие головы, надевшие ее, Ранию только украшает. Однажды она призналась: «Когда я просыпаюсь, то чувствую себя обычным человеком. Но к концу дня ты уже ощущаешь, что живешь ради людей, интересы которых представляешь. Это честь и привилегия – иметь возможность что-то менять, вносить качественные изменения в жизнь людей, и на мне лежит ответственность в полной мере использовать этот шанс». Это не просто красивые слова, и, сказав их, королева Рания не покривила душой: она действительно меняет жизнь своей страны к лучшему и служит прекрасным примером для женщин Востока.

Глава 2 Я памятник тебе воздвиг

Нефертити и Аменхотеп

История любви египетской царицы Нефертити и ее мужа Аменхотепа, которой не одна тысяча лет, жива и поныне.

За многие века она множество раз переписывалась, дополнялась и изменялась – впрочем, только в деталях. Суть же истории, ее, так сказать, сердцевина осталась неизменной, и поэтому историю любви Нефертити стоит назвать великой.

Нефертити не была коренной египтянкой, как ошибочно считалось до недавнего времени. И хотя бюсты царицы до сих пор служат украшением чуть ли не каждого музея и лавки в Египте, есть предположения, что та, чье имя переводится как «красавица пришла» или «прекраснейшая из красавиц», была иноземной принцессой.

Скорее всего, Нефертити была принцессой Митанни – древнего царства, когда-то существовавшего на территории нынешней Северной Месопотамии. Принцесса, как тогда было принято, была отправлена ко двору фараона Египта, в его гарем – с целью укрепить династические связи. Нефертити было всего 13 лет, когда ее отдали на чужбину, но уже тогда девочка отличалась поистине неземной красотой. Не зря в Египте ее считали дочерью самой богини красоты.

Суженый Нефертити, фараон Аменхотеп IV, напротив, миловидностью не отличался. Даже по оставшимся скульптурным портретам – приукрашенным памяткам истории – видно, что фараон обладал тщедушным телосложением, непривлекательным лицом, а уж о его характере ничего хорошего и вовсе нельзя было сказать. Правитель был вспыльчив, капризен, злопамятен... Но Нефертити любила его всей душой. Отчего? Трудно сказать... Скорее всего, одинокой девочке в чужой стране не к кому было привязаться, кроме как к своему повелителю.

О великой любви царицы к фараону можно судить по многочисленным фрескам, скульптурам и барельефам. Везде Нефертити и ее муж изображены буквально сияющие счастьем: в саду, на троне, молящиеся новому единому богу Солнца – Ра, который по приказу Аменхотепа сменил всех прежних египетских богов.

Ученые, изучающие этот краткий период египетской истории, сходятся во мнении: именно Нефертити была вдохновительницей неслыханного религиозного переворота. Однако народу были ближе и понятнее прежние боги: Анубис с головой шакала, ведающий загробным миром, Исида, повелительница жизни, охранявшая живых и заботящаяся об умерших, и великий Осирис, бог возрождения, по воле которого каждый год разливается Нил, орошающий земли египетского народа.

Прообразом Ра стал солнечный бог Атон – ему и велено было поклоняться. Себя Аменхотеп также переименовал в Эхнатона – «угодного Атону», жену – в Нефер-Нефер-Атон – «кликом подобную Атону» и отныне и навечно повелел молиться в храмах лишь единому богу.

Но вернемся к личным отношениям фараона и его супруги. Любовь Нефертити, несомненно, была взаимной, и вскоре Аменхотеп-Эхнатон отказался от многочисленных жен и возвысил единственную и неповторимую, объявив ее «великой царской женой». Великая жена исправно беременела и рожала, но – увы! – у фараона было уже шесть дочерей и ни одного наследника престола! Однако фараон все больше любил свою жену, и даже при

заключении договоров клялся не только богом Атоном, но обязательно – своей любовью к жене!

Памятники культуры Древнего Египта, который тяготел к монументальным сооружениям, дошли до наших дней. Эхнатон также не остался в стороне от строительства, однако его деятельность не ограничилась постройкой пирамиды или возведением сфинкса. Фараон задумал построить целый город, новую столицу царства – Ахетатон. В рабах и талантливых зодчих недостатка не было, и через каких-то 10 лет – срок для возведения города с нуля и вовсе мизерный – в раскаленных песках поднялся сказочный город-сад. В нем было все: роскошные дворцы с мозаичными полами, бассейны с чистой водой, пальмовые рощи, просторные мостовые. Эхнатон, ликуя, переселился в новую столицу, а Нефертити... осталась в древних Фивах!

Что же случилось, какая кошка пробежала между супругами? Отчего Аменхотеп так безжалостно бросил свою стареющую, но все еще прекрасную Нефертити? Скорее всего, дело было в том, что мысль об отсутствии наследника все больше тяготила правителя.

Близкородственные браки, которые в конце концов и привели к вырождению царской династии Египта, были в те времена скорее нормой, чем исключением, и фараон взял в жены собственную старшую дочь, Меритатон. Нефертити горевала и ревновала, однако ей пришлось проглотить обиду. Более того, опальная царица обучила свою дочь всем тем изысканным ласкам, которые так нравились ее мужу.

Однако, несмотря на все ухищрения, и Меритатон вскоре родила Аменхотепу дочь, являвшуюся и его же собственной внучкой! Старые боги были под запретом, а новый, единый бог Атон, которому с пылом поклонялся Эхнатон, не дал своему приверженцу наследника! Казалось, бог с пылающим лицом отвернулся от своего приверженца, и вместо желанного пополнения семейства Эхнату пришлось пережить еще и смерть одной из старших дочерей – Макетатон...

Смерть дочери была последней каплей – Эхнатон отвернулся от собственного семейства и обратил свой взор на красавиц гарема. Среди них особой статью выделялась Кийя – девушка также царского рода. На ней и остановил выбор дряхлеющий фараон. Кийя наконец-то осуществила его мечту – родила долгожданного сына, потом еще одного. Аменхотеп был просто на седьмом небе от счастья. Однако назвать Кийю «великой женой» при хоть и находящейся в забвении, однако вполне живой Нефертити он не посмел. Но Эхнату было не внове творить историю: запретил же он одним махом всех прежних богов! И он даровал новой любимице титул «младшего фараона», разделив с Кийей трон и надев на ее голову венец высшей власти – синюю тиару с драгоценным уреем, изображением священной змеи.

Имя Нефертити, забытой всеми и доживающей свой печальный век в Фивах, постепенно исчезало со всех правительственных документов, стиралось с росписей, сбивалось с барельефов... Рядом с царственным именем фараона теперь стояло имя Кийи. Юную жену постоянно засыпали подарками, в ее честь строились дворцы, самым роскошным из которых стал Мару Атон. В него и переселился Эхнатон со своей новой женой.

Однако влияние Нефертити в царстве было еще очень велико. Народ обожествлял красавицу, чьи бюсты, несмотря на запрет, стояли в каждом храме. Кроме красоты Нефертити обладала еще и твердым характером, которого и опасалась возвысившаяся так внезапно Кийя. Подобно Нефертити, она была столь же хитра, ревнива и мстительна, как и красива...

Неизвестно, отчего умерла юная Кийя, к которой Эхнатон уже начал охладевать, так как новая жена оказалась далеко не таким преданным и верным другом и соратником, каким была старая. Доподлинно известно лишь одно – на шестнадцатом году правления фараона имени Кийя уже не было в документах рядом с его именем.

Фараону было одиноко, и он все чаще вспоминал свою Нефертити. В конце концов он не выдержал и послал за ней. Но царица отказалась видеть его! Она не простила измены...

Титул «великой царской жены» она пожелала передать своей дочери Меритатон. А та, стараясь отомстить за поруганные чувства матери, приказала стереть имя Кийи со всех носителей, которые могли пережить века: каменных стел, барельефов, дворцов. Это было больше чем мстью – утеря имени была для древнего египтянина самым страшным кошмаром! Без имени невозможна была вечная загробная жизнь, и с потерей имени и памяти для человека заканчивалось все...

Кийя канула в небытие, а изображения Нефертити, прекраснейшей из женщин, дошли до наших дней. И сегодня царица мечтательно смотрит вдаль своими чудными миндалевидными глазами, а на губах ее играет легкая улыбка. О чем она думает? Наверное, о любви...

Феодора и Юстиниан

Великая византийская императрица Феодора родилась в семье циркача на острове Крит. Годом рождения будущей великой императрицы называют 500, но достоверных сведений о ее возрасте не сохранилось. Девочка росла в нищете и не помнила отца, который рано умер, оставив ее мать и двух сестер почти без средств к существованию. Единственное, что умели дети, – это показывать акробатические номера и разыгрывать пантомимы, однако зрители на улицах так и норовили уйти, не заплатив за представление ни гроша...

Красивая и удивительно артистичная девочка росла, и вскоре посмотреть на гибкую волоокую танцовщицу стали приезжать издалека. Девушка танцевала, едва прикрывая наготу прозрачной тканью, а то и вовсе обходясь безо всяких покровов. Голодное босоное детство осталось позади – теперь за выступления Феодоре платили звонкой монетой и дорогими подарками. Находилось и немало желающих свести более близкое знакомство с прелестной танцовщицей, и вскоре она поняла, что зарабатывать на жизнь можно, и не выходя на улицу...

Кроме возбуждающего желание тела и миловидного личика девушка, несомненно, обладала тем, что сейчас называют модным словом «харизма». Тогда же это чаще называли чарами или колдовством. Благодаря своей неотразимости она быстро преодолела ступени, ведущие от уличной побирушки до известной куртизанки. Однако и сама Феодора, наверное, сильно удивилась бы, если бы кто-то сказал, что в будущем ее ждет неслыханное повышение и титул византийской императрицы.

А пока количество любовников греческой куртизанки исчислялось сотнями – она отдавалась всем, кто мог платить за любовь: матросам, рабам, которым удавалось стащить у господ несколько монет, и их богатым владельцам. Говорят, однажды на пиру куртизанка отдалась десяти молодым византийцам, а потом ею воспользовались еще и тридцать ожидающих господ рабов... Такая неразборчивость стоила Феодоре хорошего отношения горожан: почтенные матроны, их дочери, сыновья и даже мужья стали сторониться красавицы, и даже коснуться края ее одежды означало запачкаться.

Однако судьба вновь повернулась к Феодоре лицом: случай свел ее с префектом провинции Эсеболом – человеком циничным, несусеверным и большим ценителем женской красоты. А в этом случае посмотреть явно было на что: матовая кожа, огромные глаза, выющиеся белокурые волосы... Эсебол увез драгоценную добычу к себе в поместье, где они без помех могли предаваться любви. Куртизанка так увлекла префекта, что он совсем забросил свои прямые обязанности и вскоре лишился выгодной должности. Феодора, быстро привыкшая к роскоши, не пожелала остаться под кровом разорившегося префекта и покинула его.

Однако время летело, ей стукнуло двадцать четыре – возраст по тем временам весьма почтенный. Девочек отдавали замуж уже с двенадцати лет, и Феодора, не имевшая ни дома, ни семьи, вынуждена была отдавать свое порядком уставшее тело все дешевле и дешевле. Она катилась по наклонной плоскости, и вскоре судьба забросила ее в Византию – неужели для того, чтобы она со своей редкостной красотой и артистическим талантом так и сгинула, как большинство портовых шлюх?

Однажды, бредя по городскому предместью, она наткнулась на лачугу старой ворожеи. Та, приветив усталую женщину, решила ей погадать. «Тебя ждет великая судьба!» – воскликнула старая карга, раскинув бобы. Феодора только горько усмехнулась – ей показалось, что старуха просто ее пожалела... У этой же ворожеи она и поселилась, потому что другого крова у нее на примете не было. Постепенно две женщины, старая и молодая, настолько сблизились, что Феодора рассказала старухе всю свою жизнь, и та, недолго думая, посоветовала ей испустить годы разврата, честно трудясь и надеясь на покровительство высших сил.

Как-то ночью Феодоре приснился удивительный яркий сон: в нем присутствовал сам «князь тьмы», который одарил ее несметными сокровищами. Проснувшись, она еще долго находилась под впечатлением от увиденного, ей казалось, что сон снова зовет ее заняться прежним ремеслом. Но, послушная воле своей новой покровительницы, Феодора уселась у окна ткать холст. И все же и «князь тьмы», и увиденные драгоценности долго не выходили у нее из головы.

Сон был вещим, а «князем тьмы» оказался не кто иной, как молодой Юстиниан, племянник императора Юстина I. Фортуна была благосклонна к нему. И даже то, что на его пути оказалась эта бывшая куртизанка, пошло будущему императору Юстиниану Великому на пользу. Увидев женщину, прекраснее которой он не встречал никогда, Юстиниан тут же признался ей в любви – и отказа не получил. Феодора, которая стала его любовницей, оказалась и талисманом удачи: повышения и титулы сыпались на Юстиниана как из рога изобилия. Сначала он стал консулом, а спустя два года его провозгласили наследником престола. Обретя почти безграничную власть, Юстиниан выхлопотал для своей любовницы звание патрицианки. Она была представлена к императорскому двору, а сенаторы и консулы буквально падали к ее ногам, сраженные ее неувядающей молодостью и безупречной красотой.

Несмотря на то что Юстиниан был чрезвычайно привязан к ней, она была его любовницей – и только... Императрица Евфимия, мать Юстиниана, когда-то также поднявшаяся из самых низов и имевшая трезвые взгляды бывшей крестьянки, предостерегала сына от опрометчивого шага. Евфимии было известно почти все о прошлом Феодоры, и суровая императрица сторонилась этой бывшей акробатки, плясавшей на улицах обнаженной и отдававшей любому мужчине за деньги. Евфимия, забывая о собственном прошлом, также упирала на то, что законы империи запрещают сенаторам вступать в неравные браки с комедиантками и даже их дочерьми, а также с любыми женщинами низшего класса.

Но судьба еще раз показала будущей императрице свой светлый лик: в 523 году Евфимия скончалась, и под давлением племянника уже через год император Юстин отменил негодный тому закон – Юстиниан, не откладывая дела в долгий ящик, женился на Феодоре. Три года спустя император Юстин, чувствуя приближение смерти, позвал племянника с женой к своему одру и в присутствии сената пожаловал тем титул «августейших».

В самый великий день года, в Пасхальное воскресенье, в базилике Святой Софии патриарх короновал августейшую пару: бывшего иллирийского крестьянина и бывшую проститутку. История Средних веков знала еще и не такие казусы. Простой народ торжествовал, неся на своих плечах будущих правителей Византии во дворец.

Когда через несколько месяцев скончался смертельно больной Юстин I, Юстиниан и Феодора заняли византийский престол. От такого быстрого возвышения у Феодоры буквально кружилась голова – несколько лет назад любой мог купить ее тело за пару монет, выпивку или просто за кусок хлеба, а сегодня она – полновластная правительница огромной империи! Льстивые придворные восхваляли ее красоту, мудрость и целомудрие, и она, которая еще вчера была символом распутства, коснуться одежды которой брезговали замужние матроны, вознеслась на самую вершину власти.

Однако будем справедливы к Феодоре: от природы обладавшая живым темпераментом, она сумела подавить в себе животные инстинкты и старалась быть достойной своего положения. Но власть – слишком заманчивая штука. Попробовав ее однажды, будешь стремиться к ней всю оставшуюся жизнь... Феодора, пользуясь попустительством мужа, быстро взяла в свои руки власть в империи.

На пятый год правления Феодоры и Юстиниана в империи вспыхнул мятеж. Юстиниан повел себя неразумно: он то шел на уступки заговорщикам, то грозил им неминуемой карой, а затем снова обещал полное прощение... В конце концов, опасаясь потерять не только трон, но и жизнь, император собрался бежать на корабле. Судно, груженное сокро-

вищами из казны, стояло на якоре у императорского дворца, готовое к отплытию, – а Юстиниан все колебался...

Тогда недюжинную силу воли, решительность и ораторский талант проявила Феодора. Встав перед сенатом и императором, она произнесла такие слова: «Беги, самодержец, корабль готов, море свободно, но бойся, чтобы это бегство, в котором ты ищешь спасения, не превратилось в изгнание, а жизнь, которой ты так дорожишь, не закончилась позорной смертью! Мне же императорский пурпур нравится больше холщового савана!»

Ее слова воодушевили солдат и устыдили малодушных, в том числе и ее собственного мужа. Полководец Велизарий окружил ипподром, где мятежники уже решали судьбу правителей империи, и блестящим ударом разгромил войска заговорщиков. Спокойствие в стране было восстановлено.

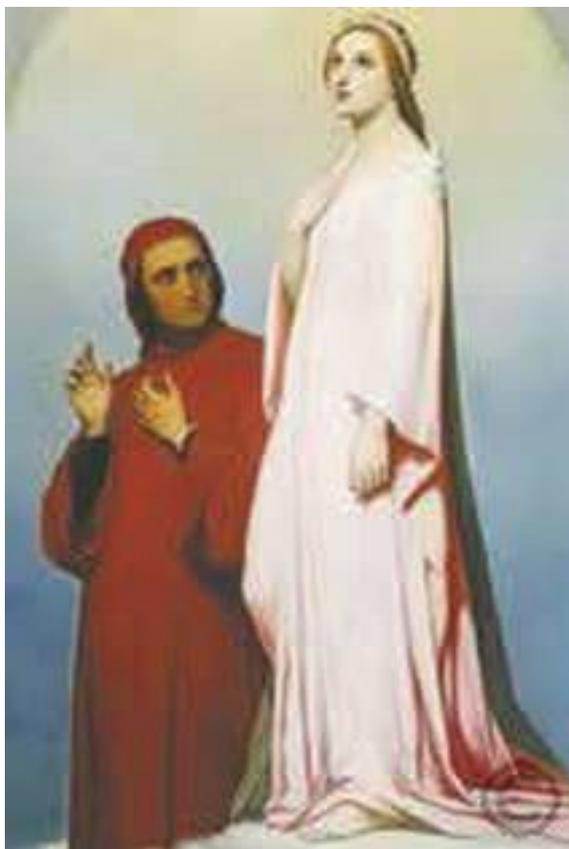
Юстиниан никогда не скрывал, что по многим государственным вопросам советуется с женой. В издаваемых законах и манифестах Феодора именовалась не иначе как «благочестивейшая супруга, ниспосланная нам Господом Богом». Сама Феодора, памятуя о голодном детстве и тяжелом занятии бывшей куртизанки, убедила супруга издать множество законов в пользу женщин: о разводе, об усыновлении незаконнорожденных, о надзоре за своднями, о наказании для похитителей монахинь, а также закон об освобождении комедианток от рабства... Для страны эта женщина, сама когда-то бывшая комедианткой, сделала очень много: она строила крепости и приюты, больницы и ясли, многочисленные церкви – знаменитый босфорский монастырь для раскаявшихся грешниц также был построен во время ее правления.

Именно Феодора уговорила Юстиниана начать кампанию против готтов и вандалов, впоследствии прославившую царствование Юстиниана. И в ее честь император отстроил некогда сожженный мятежниками величественный константинопольский храм – собор Святой Софии, который и сегодня, через полторы тысячи лет, поражает своим великолепием.

Умерла Феодора, которой фортуна позволила проделать путь от бродяжки-сироты, циркачки и куртизанки до трона императрицы одной из самых великих держав того времени, 29 июня 548 года. Всю оставшуюся жизнь Юстиниан вспоминал ее с неизменной любовью и оплакивал ее кончину.

Данте Алигьери и Беатриче Портинари

Эта история любви настолько удивительна и чиста, что, если бы ее не существовало, ее стоило бы выдумать...

Данте и Беатриче. Ари Шеффер

Первая встреча Данте с Беатриче произошла, когда мальчику было всего девять лет. Они встретились в городе, на пороге церкви. Он входил в храм, а она выходила. На мгновение их взгляды встретились, и мальчик подумал, что так, наверное, выглядят ангелы... Или это существо на самом деле было ангелом, по ошибке попавшим на землю?

Много позже Данте узнает, что девочку зовут Биче и она дочь богатого флорентийского горожанина Фолько Портинари. «Биче... Биче... – шептали его губы, словно во сне. – Беатриче!»

Будучи уже молодым литератором, он напишет в произведении, пророчески названном «Новая жизнь»: «Она явилась мне одетой в благороднейший алый цвет... опоясанная и убранная так, как то подобало ее весьма юному возрасту».

Годы шли... Живя в одном городе, они, конечно же, изредка видели друг друга, но всегда издали. Девочка росла, превращалась в девушку. Однако мысль о том, что на самом деле она принадлежит к небесному племени ангелов, никогда не покидала Данте. Быть может, именно поэтому он и не помышлял о свиданиях, тем более о плотской любви со своей Биче?

Второй раз лицом к лицу они увиделись только через долгие девять лет. Не стоит думать, что все эти девять лет он ничего не знал о ней. О, он постоянно думал о Беатриче, расспрашивал знакомых, как она живет, чем заняты ее дни, с кем она видится... И вот, когда отмеренное кем-то время истекло, они встретились на узкой улочке... Места было так мало,

что ему пришлось посторониться, а она прошла мимо, опустив глаза и чуть заметно улыбаясь поднятыми вверх уголками губ.

Он был в состоянии, близком к обмороку, – так сильно он любил ее, ту, после которой на улице остался едва уловимый запах лилий, цветов Благовещения... Именно в тот благословенный день он и написал свой первый сонет – конечно же, посвященный ей. Ей, и только ей отныне будут посвящены все его стихи и каждое мгновение его жизни.

Следующая встреча, которой он втайне жаждал и в то же время боялся, произошла на венчании их общих знакомых. Почему-то он думал, что сможет легко заговорить с ней, но так смутился, что не смог выдать и слова, только бормотал что-то бессвязное. Видя такое смущение, ее подруги стали подшучивать над ним, а потом и откровенно смеяться. Засмеялась и она – смехом, похожим на звук серебряного колокольчика. Она не была ангелом. Она была человеком из плоти и крови. Женщиной, как все остальные. Но для него она существовала только в каком-то идеальном образе, жила за чертой, переступить которую он был не в силах. И он дал себе слово, что больше не будет и пытаться. И действительно, Алигьери сдержал свою клятву: больше они с Беатриче никогда не виделись.

Обычно любовь, не подкрепленная ничем, быстро гаснет. Правильно говорят: с глаз долой – из сердца вон. Но с Данте эта старая истина не сработала. Он по-прежнему продолжал любить Беатриче – со всей пылкостью, нежностью, страстью, отчаянием... Казалось, другие женщины для него просто не существовали.

Однако как быть с тем, что поэт в конце концов женился? Но разве является секретом для любого из нас, что браки совершаются и без любви? Собственно, Алигьери и не скрывал того, что живет с нелюбимой... Что думала по этому поводу красавица Джемма Донати, ставшая его женой, история умалчивает, но зато за кого вышла Беатриче, она до нас донесла. Супругом Биче стал богатый синьор Симон де Барди.

Данте готов был смириться с судьбой – он просто желал ходить с любимой по одним и тем же каменным мостовым, дышать одним воздухом, пить воду из одного фонтана... Но гром грянул с ясного неба, и так неожиданно, что он не успел и опомниться: в одночасье его любимой не стало. Беатриче умерла.

Это случилось летом 1290 года. Биче не исполнилось и двадцати пяти лет. Если бы солнце вдруг погасло и земля содрогнулась, сметая со своей поверхности все живое, то Алигьери было бы менее больно... Ее больше не было. А он жил – жил воспоминаниями о любимой. И с этого дня все его творчество, все, что он напишет, будет посвящено лишь одной женщине – Беатриче. Вся жизнь великого поэта, создавшего «Божественную комедию», бессмертные сонеты о любви и еще множество произведений, станет памятником одной женщине. Ей. Беатриче.

Кроме любви, обессмертившей имя Биче, в сердце Данте жила еще одна любовь – к родной земле. Он примкнул к партии, боровшейся за независимость Флоренции от папской власти. В те времена папы отнюдь не были столпами христианской церкви и чаще всего папский престол получал тот, кто мог больше заплатить. Папская власть была отправной точкой для узаконенного грабежа, разврата и убийств. Данте и его сподвижники – белые гвельфы – боролись как могли. Они проиграли. Власть получили сторонники папской власти – черные гвельфы, а Данте, как и его единомышленники, был отдан под суд.

Его обвинили в измене, интригах против церкви, лишили всех высоких постов, которые он занимал благодаря своим способностям и таланту, наложили большой штраф и изгнали из города. Большого наказания для поэта, который только и жил, что воспоминаниями о своей возлюбленной, трудно было придумать. Ее тень бродила улочками Флоренции, ее красное платье он не раз видел на ступенях церкви, ее смех все еще звучал в журчании фонтанных струй... Все это у него отняли.

До конца своих дней поэт будет скитаться по стране. Через семнадцать лет после смерти Беатриче, которая станет для него и трагедией, и отправной точкой будет закончен величайший труд, которому Алигьери посвятил четырнадцать лет, – его «Божественная комедия». По его же собственному признанию, она «написана языком, которым говорят женщины». Женщины, в лице одной из которых Данте боготворил всех. Ведь именно женщины являются одновременно и сосудом, в котором вызревает новая жизнь, и бесконечным космосом... Благодаря женщинам жизнь никогда не прекратится на земле и смерть не возьмет над ней верх. Он верил, что Беатриче понимала его. И разделяла его мысли. А если есть вера, то и любовь не умрет никогда...

Маргарита Лути и Рафаэль Санти

Прославленный художник Рафаэль не зря получил прозвище Санти – Божественный. Его картины до сих пор производят сильнейшее впечатление, а люди, изображенные на них, кажутся дышащими, их взгляд, запечатленный на бессмертных полотнах, сохранен на века. И пусть имена некоторых из моделей Рафаэля поглотило неумолимое время, мы знаем об этом гении многое – в том числе и то, что женщину, вдохновлявшую художника, самую сильную, яркую и трагическую любовь его жизни, звали Маргарита...

Рафаэль и Форнарина. Доминик Энгр

Рафаэль появился на свет 28 марта 1483 года в семье придворного живописца герцога Урбинского Джованни Санти. И, хотя отец мальчика рано умер, именно от него маленький Рафаэль получил первые уроки живописи. Мать ребенка потерял еще раньше, и одиннадцатилетним подростком остался круглым сиротой.

Рафаэля приютили родственники – дядюшки Бартоломео и Симон. Мальчик был так ярко одарен талантом рисовальщика, что его обучение сочли разумным продолжить. Еще пять лет его обучал живописи все при том же дворе герцога Урбинского новый придворный живописец – Тимотео Вити. Учитель привил Рафаэлю традиции умбрийской школы, но позднее, когда молодой художник понял, что Тимотео научил его всему, чему мог, он поступил в ученики к другому прославленному мастеру своего времени – Перуджино, от которого также взял самое лучшее.

Гений молодого живописца проявился очень рано – уже в двадцать лет им было написано такое яркое и удивительное полотно, как «Мадонна Конестабиле». В 1504 году художник переезжает в знаменитую Флоренцию, куда ранее перебрался его любимый учитель Перуджино. Рафаэль создает целый ряд мадонн, и одухотворенные лица этих женщин, с любовью и нежностью склоненные над младенцем Иисусом, так потрясают современников,

что художника отмечает сам папа римский Юлий II. Он приглашает Рафаэля в Рим, где поручает ему работу над росписью парадных апартаментов старого Ватиканского дворца.

Эпоха Возрождения была порой качественного прорыва в искусстве: живописи, музыке, зодчестве. И одновременно это было весьма непростое время – шедевры великих художников прославляли чистоту, целомудрие и благонравие, а вот нравы, царящие вокруг, особенно во дворцах, были более чем вольные. Особенно поражали развратом покои меценатов-пап. Те, кто должен был олицетворять собой благочестие, заказывая росписи на божественные темы, прославляющие деяния святых, сами глумились над всем, что было дорого сердцам истинно верующих людей.

Сегодня исследователи эпохи Возрождения не могут объяснить, каким образом искусство переживало наивысший расцвет в то время, когда люди, покровительствовавшие этому искусству, совершали самые гнусные злодеяния и предавались отвратительным порокам. Сам Ватикан погряз во грехах: убийства, педофилия, мужеложество, кровосмешение...

Богач Агостино Чиги, владелец множества поместий, а также знаменитого дворца Фарнезино, пригласил любимого живописца нового папы Льва X – Рафаэля расписать стены центральной галереи дворца. Рафаэль написал потрясающие своей живой манерой фрески: «Три грации» и «Галатее». Но дальше работа застопорилась – художник браковал одну модель за другой, и третья, венчающая роспись фреска «Амур и Психея» могла остаться незавершенной.

В задумчивости прогуливаясь по дворцовому парку, в тени деревьев художник заметил девушку неземной красоты. У него даже перехватило дыхание, настолько совершенным было это небесное создание! Глядя на ангельское личико, он мгновенно позабыл всех своих многочисленных любовниц, натурщиц и поклонниц, которыми никогда не был обделен... Встав перед девушкой на одно колено, живописец воскликнул: «Это она! Я нашел свою Психею!»

Смущенная неожиданной встречей и пылкостью незнакомца, девушка все же ответила, что ее зовут Маргарита Лути, ей семнадцать лет и она дочь хлебопека. Вскоре Маргарита уже позировала для фрески, предварительно испросив разрешения у своего отца и жениха, пастуха. Расставаясь, кроме обычной платы за позирование Рафаэль подарил Маргарите дорогое золотое кольцо, но девушка ответила отказом. Тогда Рафаэль, недолго думая, предложил Маргарите выкупить его – за десять поцелуев, и... она согласилась!

С позволения семьи Лути художник решил писать портрет Маргариты. Тридцатилетний Рафаэль, стоящий за мольбертом, был в самом расцвете мужской красоты и нисколько не походил на деревенского пастуха... как и «маленькая Форнарина», как вскоре стал называть свою модель художник, не походила на тех похотливых и развратных жен знатных горожан, с которыми ему приходилось иметь дело.

Однако вскоре Рафаэлю стало не хватать одного лишь созерцания небесной красоты Форнарины. Кроме того, не на шутку влюбившийся художник ревновал девушку ко всем, особенно к незадачливому жениху Томмазо. Не выдержав пытки страстью, Рафаэль заплатил отцу Маргариты 3000 золотых и увез свое сокровище в Рим.

Художник баловал свою любовницу как мог: осыпал ее драгоценностями, покупал наряды. Он поселил ее во дворце и приставил к ней многочисленных слуг, исполнявших любую прихоть хозяйки. Но любовь, купленная за деньги, не может быть чистой: Форнарину в конце концов начали интересовать лишь доходы мастера. С каждым днем ее капризы и требования становились все изощреннее, она не отпускала Рафаэля ни на минуту, требуя ласк, денег, восхищения и преклонения...

Ослепленный страстью, Рафаэль забыл о работе, и настал день, когда недовольный Чиги потребовал отчета: отчего не закончены фрески дворца Фарнезино? Рафаэлю при-

шлось вернуться, однако расстаться с Форнариной он не смог. Девушка переехала вместе с ним и поселилась в том же дворце, где галантный Чиги предоставил ей особые апартаменты.

Слухами, как известно, полнится земля, и отвергнутый Томмазо прознал о возвращении неверной невесты. Он угрожал расправиться с бывшей возлюбленной, и хитрая Форнарина отправилась не к кому иному, как... к Чиги! Зная, какое впечатление производит на окружающих ее красота, она, обливаясь слезами, умоляла знатного синьора помочь ей... И Чиги предложил ей стать его любовницей. Маргарита согласилась, но с одним условием: Чиги должен заточить ревнивого Томмазо в монастырь. Чиги был человеком слова – в тот же вечер пастух был схвачен и увезен подальше, а Маргарита раскрыла ему свои объятия.

Однако романом с одним Чиги Форнарина не ограничилась. Вскоре она затащила в постель еще одну жертву своей красоты – ученика самого Рафаэля, совсем молоденького юношу Карло Тирабоччи. Развратная красавица даже не скрывала своих намерений, и остальные ученики маэстро, сочтя это оскорблением чести великого мастера, вызвали Карло на дуэль. Юноша был убит ударом шпаги, но Форнарину это не остановило. У нее появились новые любовники – как правило, совсем юные, не знающие жизни сынки богатых родителей, тратившие на нее фамильные деньги.

Рафаэль страдал молча – он прекрасно знал, откуда под утро приходит его «маленькая Форнарина», ставшая одной из самых известных куртизанок Рима. Художник делал вид, что думает, будто она ночевала дома. Однако сердце мастера болело столь сильно, что иногда он даже не мог подняться с постели...

С каждым днем прославленному живописцу становилось все хуже, пока обеспокоенные ученики не догадались позвать к нему доктора. Врач нашел у художника резкое истощение жизненных сил и прописал кровопускания, которыми в то время лечили все, от легкой простуды до сифилиса. Кровопускания не только не помогли – от них Рафаэлю становилось только хуже. Кровью сочилось его измученное сердце, пораженное тем, что небесное создание, к которому он так сильно привязался, оказалось обычной шлюхой...

6 апреля 1520 года Рафаэля не стало... Похоронили живописца в Пантеоне – месте, где покоится прах великих сынов Италии. Ученики на похоронах мастера поклялись отомстить той, которая разбила его сердце. Бездушная Форнарина, напуганная этими яростными нападениями, бежала обратно к отцу. В его доме она и скрывалась некоторое время, пока случайно не встретилась со своим бывшим женихом. Томмазо, проведенный за монастырскими стенами, как в тюрьме, долгих пять лет, был поражен встречей со своей бывшей невестой, а Маргарита, вместо того чтобы попросить прощения, попыталась его соблазнить!

Однако у пастуха оказалось больше чести, чем у тех знатных особ, которые покупали ласки его бывшей невесты за деньги, – он схватил горсть грязи и бросил оголившей перед ним свои прелести Форнарине прямо в лицо! Затем Томмазо развернулся и ушел, чтобы больше никогда не видеть ту, по чьей прихоти он был заточен и по чьей вине умер один из самых великих живописцев эпохи...

Рафаэль оставил все свое немалое состояние Маргарите Лути, и она еще могла бы изменить свою жизнь, выйти замуж за порядочного человека и хотя бы этим искупить свой грех, но... До конца жизни Форнарина продолжала менять любовников, ища плотских утех... Умерла она в монастыре, и причина ее смерти нам неизвестна.

Возможно, эта бездушная женщина, наделенная такой ангельской красотой, не стояла того, чтобы ее лицо и тело было увековечено, но именно ее огромные карие глаза смотрят на нас с полотен Рафаэля: «Сикстинской мадонны» и «Донны Велата»... И кто знает, не встретиться на пути великого гения маленькая Форнарина, возможно, всех этих прекрасных полотен и не было бы?

Нур Джахан и Джахангир

У каждой великой истории любви есть своя предыстория. Династия Великих Моголов, правившая в Индии, началась с Бабура – завоевателя из клана Тимуридов. Бабур, приходившийся великому Тамерлану прапраправнуком, был не только замечательным полководцем, но и талантливым поэтом, писателем и философом. Внук Бабура, Акбар, прославился мудростью, справедливостью и терпением – качествами, редкими у правителей.

Джахангир. Абул Хасан

Акбар был строителем и миротворцем и разрешал на всей подвластной ему территории любые вероисповедания. Страна под правлением столь мудрого повелителя процветала. Сюда приезжали художники, поэты и музыканты, философы и ученые, слава об удивительном предводителе моголов достигала самых отдаленных стран.

Однако в каждой бочке меда имеется своя ложка дегтя: Акбар был бездетен. После многих лет супружества Акбар, не имевший наследника, впал в отчаяние и решил прибегнуть к совету мудрейшего из мудрейших – старца Селима. После мистических обрядов и обращения к высшим силам у Акбара вновь возродилась надежда, а через год, в 1569 году, жена наконец подарила ему долгожданного наследника. Мальчика назвали Мухаммедом Селимом. В честь знаменательного события Акбар не стал мелочиться – вместо памятника или храма он возвел целый город, который назвал Фатехпур.

Селим рос копией своего просвещенного отца: увлекался поэзией и литературой, дни напролет проводя в дворцовой библиотеке, которая вмещала ни много ни мало двадцать тысяч томов – мудрость, накопленную веками! Однажды, когда тринадцатилетний Селим в размышлениях прогуливался по саду, он увидел прекрасную девушку. Как будто солнце и луна одновременно взойшли в небе – так была ослепительна ее красота.

Красота без скромности и хорошего характера – лишь помеха в жизни, но девушка, которую звали Мехрунисой, дочь простого дворцового служителя, была умна, владела музыкальными инструментами, а отец, служивший самому Акбару и проникшийся его мудростью, постарался также привить дочери любовь к искусствам и наукам. В литературе, музыке, живописи и даже в математике эта юная девица разбиралась не хуже отпрысков из самых богатых семей.

Селим был совершенно очарован девушкой и, недолго думая, испросил у своего отца разрешения на брак. Однако мудрый правитель, сочтя такое решение поспешным, а неравный брак – обреченным на неудачу, решил разлучить влюбленных: он отослал служителя с семьей в другой город, насильно выдав девушку замуж за одного из своих придворных. Перед отъездом влюбленным все же удалось свидеться, и они поклялись друг другу в вечной любви...

Единственный сын так и не простил отцу обиды. Затаив ее в сердце, он мечтал о времени, когда сможет стать полновластным хозяином империи и вернуть любимую. Если бы мудрый Акбар понял, как сильно любили друг друга эти дети, возможно, он не стал бы мишенью для заговора собственного сына! Мятеж был подавлен, но великодушный Акбар простил Селима. Правитель был стар, утомлен властью и в 1602 году сам передал бразды правления империей Великих Моголов в руки сына.

Селим воцарился под именем правителя Джахангира, что в переводе означало «завоеватель мира». Поначалу он продолжал политику, начатую его отцом, и был терпим к различным верованиям. В жены же, как и его отец, Джахангир выбирал индусок, и одна из жен родила ему сына Хуррама. Однако сердце правителя тосковало: он не мог забыть ни юную Мехрунису, ни свою клятву любить ее вечно...

И однажды Джахангиру принесли новость: женщина, о которой он постоянно думал, овдовела. Тогда он приказал привезти ее в свой дворец. Годы разлуки пошли той юной девочке, которую помнил великий император, только на пользу. Красота ее была в полном расцвете, и любовь вспыхнула в сердцах с новой силой. Спустя несколько месяцев Мехруниса стала женой Джахангира, приняв, как и было заведено для императриц, новое имя – ее стали звать Нур Джахан. Но сам Джахангир называл жену Мирза Гийяз Бег – «светоч мира».

Неподалеку от города Лахор для возлюбленной жены императора был выстроен великолепный дворец. Здесь императорская чета проводила большую часть времени, отсюда Джахангир отправлялся на охоту, а его жена, помня об их первом свидании, сажала вокруг прекрасные цветы. Вскоре дворец стал официальной летней резиденцией, а рядом с ним возник сад Шалимар Багх, что означает «сад любви», который был разбит по приказу императора для его несравненной Нур Джахан.

Джахангир был слишком счастлив и увлечен красотой окружающего мира. Он сочинял стихи, писал книгу воспоминаний и совсем забыл о том, что ему следует больше времени уделять управлению страной. Однако его жена восполнила этот промах и вскоре настолько вникла в дела государства, что стала управлять им не хуже, чем сам покойный Бабур!

Муж не чинил препятствий жене в ее увлечении государственными делами и вскоре пожаловал ей титул «Падишах Бегум». Нур Джахан мудро правила империей, принимала иностранных послов, купцов, издавала указы и законы. Влияние этой женщины возросло настолько, что в империи даже чеканили монету с ее именем!

Шло время, и Джахангир все больше увлекался не только книгами, но также вином и опиумом, которые уносили его в странствование по океану грез... Нур Джахан правила страной практически единолично, и это вызывало уважение одних и ненависть других. Среди ненавидящих умную красивую правительницу был и сын Джахангира – Хуррам. Точно так же, как его отец когда-то, он организовал заговор, и очень скоро Джахангир с женой оказа-

лись в темнице. Хуррам объявил себя наследником и единственным правителем Империи Моголов.

Джахангиру и Нур Джахан удалось бежать из тюрьмы, но сердце бывшего правителя не выдержало позора и унижения, и вскоре, в 1627 году, он умер. Жена горько оплакивала его и возвела в честь мужа прекрасный мавзолей – памятник их верности и любви, которая, в отличие от бранных тел, не умирает никогда...

Прошли века, прекратила существование империя Великих Моголов, Индию завоевали англичане, затем страна получила независимость; а мавзолей, посвященный великой любви, все еще высится недалеко от Лахора как памятник неувядающим чувствам... Рядом, в небольшой гробнице, спит вечным сном и жена Джахангира – верная Нур Джахан.

София и Феликс Потоцкие

Что может быть прекраснее подарков любимым? Хочется подарить любимой если не всю землю, то хотя бы ее кусочек? Создать рай там, где до этого была пустыня? Вы скажете, что такое бывает только в сказках? О нет! Это случилось на самом деле. И это рукотворное чудо, созданное человеком, чья любовь к собственной жене пережила века, существует и поныне и называется Софиевским парком. Многие верят, что душа этой женщины все еще здесь...

Портрет Софии Потоцкой. Лампи Иоганн Бантист Старший

Кто же была та, которую любили столь пылко и страстно, горячо и необузданно, нежно и терпеливо? Кем была эта женщина, ради которой до сих пор журчат фонтаны, купают в воде свои ветви стыдливые ивы и гордо плывут по пруду лебеди – символ вечной и чистой любви?

Кем же все-таки была София Потоцкая, та, которую называли то Матой Хари своего времени, то украинской Анжеликой? Для того чтобы приоткрыть завесу тайны над личностью этой незаурядной женщины, придется совершить прогулку вглубь времен и заглянуть в прошлое. Итак, начнем...

Примерно в 1775 году на рабовладельческом рынке в Стамбуле изможденная, доведенная до крайней степени нужды женщина, вероятно гречанка, а может быть и турчанка, продавала двух очаровательных девушек тринадцати и пятнадцати лет, только-только начинавших расцветать редкостной, яркой красотой – своих собственных дочерей.

Мать продает дочерей – что может быть ужаснее? Но когда умирает муж и сгорает дом, сначала сама мать идет на панель, чтобы хоть как-то прокормить семью, а затем ситуация становится совсем уж безвыходной. Занятие проституцией в стамбульском районе Перу, где расположены иностранные посольства, сначала дает ей и ее дочерям, которые сейчас испуганно жмутся друг к дружке, хоть какой-то кусок хлеба, но со временем заработок стано-

вится все скуднее и скуднее. Никто не хочет эту уже немолодую женщину с изборожденным преждевременными морщинами лицом и печальными глазами.

Девочкам несказанно повезло – они не попали в бордель, обслуживающий моряков, в котором женщины за пять лет кабалы становились старухами, и их не купил для своего гарема какой-нибудь сластолюбивый старик. В тот день на рабовладельческий рынок забрел польский посол Кароль Боскамп-Лясопольский, он и обратил внимание на незаурядное изящество юных красавиц. Он купил у матери обеих сестер, чтобы отправить их в Польшу – в подарок королю Станиславу-Августу.

Однако за те несколько недель, пока посол ждал попутного корабля, София так пленила его сердце, что он не только оставил ее в своем дворце, но и нанял ей учителей, в том числе и преподавателя французского языка. И буквально за считанные месяцы неотесанная крестьянская девочка превратилась в изысканную пани! Она сопровождает своего покровителя на приемах, прекрасно танцует, может поддержать светскую беседу.

Но вскоре король отзывает своего посла обратно в Польшу. Взять с собой в Варшаву Софию Лясопольский не может, поэтому он снимает ей апартаменты, а также кладет в банк на ее имя солидную сумму – это приданое на тот случай, если она надумает выйти замуж. Софию перспектива замужества не прельщает: здесь, в Турции, где женщина издавна считается существом низшего сорта, она больше жить не хочет. Она ведет активную переписку со своим покровителем, и тот убеждается: этой юной девушке со зрелым и острым умом место в Европе.

По пути в Варшаву София понимает: признание в том, что ее купили на невольничьем рынке как рабыню, не сделает ей чести. И она придумывает себе историю, а также богатых и знатных родителей греческого происхождения. Теперь она – наследница двух знатных греческих родов: Маврокордато и Челиче.

Однако до Польши девушка, сопровождаемая двумя опекунами, не доезжает. Остановившись в Каменец-Подольском, она соглашается быть гостьей в доме сорокалетнего коменданта города, майора Юзефа Витта. Тот не на шутку увлекается красотой юной «гречанки», однако София, хорошо понимая цену девственности и не имея никакого опыта в любовных делах, на все предложения Витта отвечает гордым «нет!».

Ухаживания пылкого майора длились почти год, и в это время София активно занималась польским и французским, совершенствовала свои навыки в верховой езде, много читала. Витту не терпелось предъявить свои права на гостью, особенно после того, как он окольными путями узнал всю правду о ее происхождении. Противостояние обуянного страстью майора и бывшей невольницы закончилось тем, что в ответ на попытку овладеть ею насильно София выхватила нож и, уперев его в грудь Витта, заявила, что она расстанется с девственностью только после свадьбы! И случилось неслыханное: польский дворянин решил жениться на бывшей рабыне.

Молодые, несмотря на активное противостояние родителей Юзефа, с пышностью обвенчались в Зиньковецком костеле. То, что сын пошел против воли родителей, так действует на свекровь Софии, что вскоре та, не пережив удара, отдает Богу душу. Но молодожены в это время уже разъезжают по Европе – и, гордый тем, что на его красавицу жену не оборачивается только слепой, Витт придумывает ей новую родословную. Теперь София, ни много ни мало, принадлежит к роду византийских императоров!

Молодая женщина действительно держится с поистине королевской осанкой – и на приеме у короля Станислава-Августа, и на балу, где ее представляют самому королю Пруссии Фридриху II. Дальше – больше: вот она уже пьет кофе в обществе австрийского императора Иосифа II, ее общества ищут князья и графы, и вскоре в своей резиденции ее с почетом принимает французская королева Мария-Антуанетта!

Истина о том, что карьеру великих мужей делают их умные жены, подтверждается на примере супругов Витт: после рождения Софией наследника рода Виттов сам король Станислав приезжает поздравить счастливую чету. Юзефу же присваивают звание генерал-лейтенанта.

Но Каменец-Подольский вскоре становится мал для амбиций Софии. Ей тесно в стенах супружеского особняка, и она решает попробовать себя на дипломатическом поприще. Путешествуя из Вены в Стамбул, молодая женщина все чаще находится в обществе иностранных послов, а в Крыму ее представляют русской императрице. Неизвестно, какую миссию выполняла София для последней, но то, что Екатерина II пожаловала ей звание генерала русской армии и наградила дворцом в Белоруссии, говорит само за себя.

Несомненно, пани Витт обладала огромным дипломатическим талантом – именно ей удалось примирить враждующие стороны возле местечка Хотын. Она попадает в штаб главнокомандующего русской армией – князя Григория Потемкина, и вскоре сама становится частью европейско-азиатской политической игры.

Известно, что в большой политике дела альковные зачастую так тесно переплетаются с делами государственными, что порой просто невозможно отделить одно от другого. София теперь именуется мадам де Витт, и по просьбе всесильного фаворита Екатерины Потемкина австрийский император присваивает ее мужу Юзефу графский титул. Витт становится графом Священной Римской империи, а его жена – постоянной спутницей Потемкина.

София имела удивительное политическое чутье и способность улаживать самые щекотливые дела. Дарования ее не остаются незамеченными, и щедрые подарки сыплются на графиню как из рога изобилия: земли в Симеизе и Мисхоре, Массандра, дача у Симферополя и дворец в Санкт-Петербурге... Из недостоверных источников известно, что София родила от Потемкина дочь, но о судьбе этого ребенка история умалчивает. Известно лишь то, что с очередного задания всесильного князя она к нему уже не вернулась.

Принятие в 1791 году Польшей Конституции идет вразрез с державными планами Российской империи, и Потемкин посылает Софию в Варшаву. Данное ей поручение, которое сегодня назвали бы шпионским, по тем временам было в порядке вещей: графиня Витт должна была соблазнить имевшего чрезвычайное влияние на политику графа Потоцкого и склонить его на сторону России.

Как и многие другие до него, Станислав-Феликс Потоцкий был пленен и очарован посланницей Екатерины: она виделась ему не столько дипломатом, сколько ангельским посланником и гласом небес. Потоцкий подписывает акт о конфедерации и тем самым губит не только свою собственную голову, но и предает родину... Зато прелестная графиня отныне принадлежит ему, и только ему одному. Он просто-напросто выкупает жену у Юзефа Витта!

Зная, что будущая жена – большая ценительница природы и всего прекрасного, еще задолго до венчания граф втайне от возлюбленной приказывает возвести в одном из своих имений парк. И в маленьком городке Софиевка Черкасской области буквально на голом месте, на бывшей пустоши, возникает прекрасный, вечный памятник любви – огромный парк в пейзажном стиле, с водоемами, греческими скульптурами, редкими породами деревьев и растений.

На строительство этого чуда ландшафтной архитектуры было потрачено около пятнадцати миллионов золотых, а помимо титулованных архитекторов над созданием парка трудилось восемьсот крепостных. Были выкопаны пруды, созданы искусственные ручьи и гроты и даже воссоздана мифическая подземная река Стикс, протекающая в мрачном царстве Аида! Говорят, графиня любила кататься по Стиксу на лодке, причем двигалась она всегда в одном направлении – от смерти к жизни.

София до глубины души была тронута подарком возлюбленного. Даже алмазы рассыпаются в прах в огне пожаров и переходят из одних алчных рук в другие. Но Софиев-

ский парк и спустя столетия поражает своим размахом и красотой. Сюда едут туристы, здесь гуляют влюбленные, здесь, по преданию, по аллеям все еще бродит душа самой Софии, потому что оставить это место вечной любви просто невозможно...

Франсиско Гойя и Каэтана Альба

Великий живописец Франсиско Гойя и загадочная герцогиня Альба... Воистину, эти две незаурядные личности, две звезды Испании не могли не встретиться! Их судьбы переплелись так же тесно, как когда-то переплетались их объятия. А история их любви то шокировала католическую Испанию, то заставляла рукоплескать им обоим: ему, гению, автору не только парадных портретов монархов, но и знаменитых «Капричос» – офортов, выставивших саму королеву в смешном и неприглядном свете; и ей – аристократке, чей род превосходил своей знатностью и древностью даже королевский, женщине, чья смелость и безрассудство граничили с безумием.

Портрет Марии Терезы Каэтана де Сильва, герцогини Альба. Франсиско Гойя

Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентес родился 30 марта 1746 года в деревенском доме близ Сарагосы. Отец крепкого, сразу же закричавшего громким басом мальчишки был позолотчиком, а мать происходила из дворянского, но обедневшего рода. Ни математика, ни иные науки не интересовали молчаливого мальчугана, и даже читать он научился с трудом, но зато в рисовании ему не было равных. И, когда юноше исполнилось семнадцать, отец отправил его в Мадрид – учиться живописи.

Всю жизнь Франсиско сжигали две страсти: любовь к женщинам и огромное желание создать в живописи нечто такое, чего до него не делал никто. Он мог не отходить от мольберта целыми днями и точно так же был неутомим в постели. Его любовницами становились простолюдинки и аристократки, проститутки и даже монашенки... Любовная история, связанная с похищением девушки из монастыря, вынудила Гойю бежать на три года в Италию. Впрочем, пребывание в стране, которая считалась колыбелью искусств, пошло молодому Франсиско только на пользу.

Вернувшись на родину, Гойя повстречал своего старого друга, Франсиско Байеу, и познакомился с его сестрой, Хосефой. Конечно же, девушка не устояла под страстным натиском друга своего брата, но... интрижка закончилась беременностью, и Гойе пришлось остепениться. Он женился и зажил в Мадриде своим домом.

Женитьба вовсе не означала, что бледнокожая золотоволосая Хосефа отныне будет единственной женщиной в его жизни, однако таинственная болезнь, которая свалила живописца с ног в 1792 году и надолго уложила в постель, оказалась сильнее влечения к женщинам. Гойе пришлось на время умерить свой темперамент, и, если бы не его изначально крепкое здоровье, возможно, он не пережил бы страшных приступов, скручивавших его тело и даже приведших к временному параличу.

Некоторые исследователи жизни Гойи предполагают, что болезнь, в результате которой живописец почти оглох и последствием которой стали преследовавшие его всю жизнь видения, могла быть сифилисом. После выздоровления характер художника, и до того не кроткий, претерпел страшные изменения: до конца жизни Гойю будут изнурять истерики, мания преследования, панические страхи, депрессии и стремление к одиночеству...

Перенесенная болезнь сказалась на слухе, после нее долго восстанавливалось зрение, но тяга Гойи к женщинам только усилилась. Он проводил ночи напролет в объятиях красавиц ровно до того момента, когда в его жизнь властно вошла Она – двадцатидвухлетняя Мария дель Пилар Тереса Каэтана де Сильва и Альварес де Толедо – тринадцатая герцогиня Альба, надменная аристократка кровей настолько голубых, что это могло смутить любого, но только не Гойю!

Каэтана Альба вышла замуж в двенадцать лет. Ее мужем стал пятнадцатилетний герцог Медина-Сидония. Династический брак сделал супругов скорее друзьями, чем настоящими любовниками, сжигаемыми постоянной страстью, и что такое любовь, Каэтане довелось узнать только в объятиях Франсиско.

Красавица покорила сердце художника с первого взгляда, и на все семь лет их связи другие женщины для Гойи перестали существовать. Первая встреча будущих любовников произошла в мастерской художника. К тому времени Гойя уже прославился как непревзойденный мастер портрета, и Каэтану привело к нему любопытство. Она желала своими глазами видеть «непревзойденного Гойю». После того как дверь за чернокудрой красавицей захлопнулась, Гойя воскликнул: «О, теперь наконец я знаю, что значит жить!»

Каэтана Альба не слыла образцом благопристойности – в высшем обществе любили посудачить о скандальных романах герцогини. Муж смотрел на увлечения жены сквозь пальцы: у каждого из них были собственные друзья и жизнь. Более того, покровительствуя талантливому художнику, герцог Медина обустроил в своем мадридском дворце студию для Гойи.

Любовные безумства художника и герцогини сказались не только на их личной жизни, но и на творчестве Гойи. Он действительно сделал то, что строжайше запрещалось делать в католической Испании, под самым носом у инквизиции, а именно: написал несколько картин с обнаженными женскими телами.

И хотя споры о том, кто послужил натурой для «Махи обнаженной» и «Венеры перед зеркалом», продолжают до сих пор, современники утверждали, что на обоих полотнах изображена она – его муза, герцогиня Альба. Художник намеренно немного исказил ее черты, чтобы не вызвать скандала вокруг имени любимой. Однако, положив руку на сердце, можно утверждать: Каэтана Альба не боялась никого и ничего. Ни слухов, ни инквизиции, ни монаршего гнева. Все годы, пока продолжался их с Франсиско бурный роман, для нее существовал только один человек и его прихоти – великий Гойя.

Махами в Испании называли девиц свободного поведения, независимых и насмешливых, частенько торгующих своими телами. Во время романа с Каэтаной Гойя написал две

знаменитые картины: «Маха одетая» и «Маха обнаженная». Несмотря на свое более чем высокое положение и титул, Каэтана могла поплатиться жизнью, обнаружив инквизиция у нее в поместье картины с обнаженной натурой.

Однажды на одном из таких портретов, где Гойя написал ее совершенно нагой, Каэтана начертала своей рукой: «Хранить такое – просто безумие. Впрочем, каждому – свое...» Но чем, как не безумием, был их роман? В конце концов они и получили каждый свое: Гойя обессмертил свое имя, а имя герцогини Каэтаны Альбы осталось в веках лишь потому, что она была рядом с ним.

После того как в возрасте сорока лет внезапно умер муж Каэтаны, герцог Медина, в обществе заговорили о том, что герцогиня отравила его. Однако кому и зачем это было нужно? Супруги давно не жили под одной крышей, и даже детей у них не было. На время годовичного траура герцогиня уехала в свое родовое поместье. Сопровождал ее все тот же Франсиско Гойя.

Больше года пара провела в уединении, но, вернувшись в Мадрид, герцогиня променяла объятия мрачного неразговорчивого живописца на утеху с другим кавалером, более знатным и молодым. Гойя стойко перенес удар, однако в его творчестве появились новые мотивы: он то изображал Каэтану в образе ведьмы, то делал ее неразборчивой шлюхой, а то и деревенской дурочкой...

В конце концов Каэтана поняла, что потеряла, и вернулась к нему. К тому времени Гойя был не только знаменит, но и богат. У него был титул придворного живописца, и сильные мира сего выстраивались в очередь за портретами, написанными его талантливой кистью.

Умерла Каэтана неожиданно. Летом 1802 года в своем мадридском дворце Буэна Виста герцогиня давала пышный прием в честь помолвки племянницы. Съехалось множество гостей, а сама хозяйка дома была как-то уж слишком возбуждена. После ужина она устроила небольшую экскурсию для желающих: провела гостей по мастерской Гойи. Показывая неоконченные полотна, она беспрерывно болтала, нервно потирала руки, а на ее щеках горел лихорадочный румянец... Гости недоуменно переглядывались, а герцогиня все говорила, говорила... Она показывала краски художника и поясняла, что некоторые из них сделаны из таких ядовитых веществ, что достаточно буквально одной капли, чтобы убить человека!

Утром Каэтану нашли мертвой в постели. Ей было сорок лет; в том же возрасте умер и ее муж. Смерть герцогини была столь неожиданной, что родственники потребовали провести расследование. В отравлении обвиняли даже ее лечащего врача, но признаков того, что он был причастен к этому, так и не нашли. Подозревали многих: и любовника, которого бросила Альба, и слуг, и даже саму королеву Марию-Луизу, которая всю жизнь считала высокомерную герцогиню своей соперницей и открыто ненавидела ее.

Только Гойя понимал, что произошло... Каэтана, не имевшая детей и завещавшая его сыну Хавьеру изрядную сумму, добровольно ушла из жизни. Она не хотела стареть; не хотела, чтобы любимый видел на ее лице морщины, замечал, как ее черные кудри пронизывает седина... Она хотела навсегда остаться в его памяти той самой Махой, чьи безупречные формы вызвали в нем то безумную страсть, то безграничную нежность... Что ж, эта женщина была по-своему права... Каждому – свое.

Сальвадор Дали и Галя

Об истории любви великого испанского художника-сюрреалиста Сальвадора Дали и его жены Елены Дьяконовой, больше известной под именем Галя, можно написать не один захватывающий роман. Однако в рамках этой книги попробуем рассказать ее кратко.

Сальвадор Дали

Елену Дьяконову никто не назвал бы писаной красавицей, однако было в этой женщине нечто такое, что заставляло бросаться к ее ногам художников, поэтов и вообще людей того круга, который принято называть богемой.

Родилась Леночка в Казани в 1894 году. Рано овдовев, мать девочки вскоре снова вышла замуж, и вся семья переехала в Москву. Здесь Лена Дьяконова училась в одной гимназии с сестрой будущей прославленной русской поэтессы Марины Цветаевой, Анастасией. Сама Анастасия также не чуждалась литературного поприща; вот составленный ею словесный портрет Галы той поры: «В полупустой классной комнате на парте сидит тоненькая длинноногая девочка в коротком платье. Это Елена Дьяконова. Узкое лицо, русая коса с завитком на конце. Необычные глаза: карие, узкие, чуть по-китайски поставленные. Темные густые ресницы такой длины, что на них, как утверждали потом подруги, можно рядом положить две спички. В лице упрямство и та степень застенчивости, которая делает движения резкими».

Болезненная хрупкость Леночки Дьяконовой, похожей на маленькую певчую птичку, происходила от слабых легких. В 1912 году ее отправили лечиться в Швейцарию – тогдашнюю Мекку туберкулезных больных. Именно там, в санатории «Клавадель», «русская птичка» и знакомится со своим первым любовником – молодым французским поэтом Эженом-Эмилем-Полем Гренделем.

Больные легкие были только у Елены, а вот Поля его отец, богатый торговец недвижимостью, отправил в швейцарские Альпы, для того чтобы сын излечился от... поэзии! О, то

была тяжкая болезнь, совершенно несовместимая с представлениями Гренделя-старшего о приличной жизни! К сожалению богатого папаши, альпийский воздух подействовал на Поля чудотворным, но самым непредсказуемым образом: сын не только не выздоровел, но стал самым настоящим поэтом, прославившимся под псевдонимом Поль Элюар.

Леночка распрощалась со своей болезнью навсегда, но подцепила другую, не менее опасную хворь – она влюбилась. Любовь оказалась взаимной. Поль души не чаял в новой подружке. Именно в то время она и обрела свое второе имя – Гала, с ударением на последнем слоге. По-французски Гала значило «оживленная, веселая» – и так оно и было. У Галы был легкий характер, и влюбленным было хорошо вместе. Настолько хорошо, что они решили завершить свою связь браком. Но прежде жениху и невесте пришлось расстаться – Поль уехал во Францию, а Гала вернулась в Россию. Письма, полные признаний в любви и той замечательной легкости, которая так хорошо характеризовала наступивший век автомобилей, отказа от корсетов и длинных платьев, а заодно и от надоевшей миру мещанской морали, неслись от страны к стране стремительно, как почтовые голуби.

«Мой дорогой возлюбленный, душенька моя, мой дорогой мальчик! – писала Элюару Гала. – Мне не хватает тебя, как чего-то незаменимого». Она, которая была всего лишь немного старше, обращалась к Полю как к маленькому мальчику. В ней всегда было сильно именно материнское начало, стремление оберегать, наставлять, держать за руку... быть прежде всего матерью, а уж потом – любовницей.

В 1916 году Гала, не выдержав более разлуки, отправилась в Париж. Ей было уже двадцать два, но жених до сих пор не надел ей обручальное кольцо. Впрочем, у него были на то серьезные причины: Поль служил в армии. Русская девушка с по-французски звучавшим именем добилась своего – свадьба все-таки состоялась. В начале февраля 1917-го влюбленные обвенчались.

Поль Элюар превратил скромную русскую девицу, сидевшую у окна с книгами Толстого и Достоевского, в настоящую женщину-вамп, разбивательницу сердец и музу, роковую, знающую себе цену дочь парижской богемы.

Несмотря на то что через год у пары родилась дочь Сесиль, обожаемая обоими родителями, Элюар и Гала в конце концов расстались. Возможно, дело было в том, что, несмотря на всю поэтичность натуры, Поль требовал от своей жены вести домашнее хозяйство? Сама же Гала без обиняков признавалась: «Я никогда не буду просто домохозяйкой. Я буду много читать, очень много. Я буду делать все, что захочу, но при этом сохранять привлекательность женщины, которая себя не переутруждает. Я буду, как кокотка, сиять, пахнуть духами и всегда иметь ухоженные руки с маникюренными ногтями!»

Полю не сиделось на месте, а постоянные переезды утомляли жену. Гала желала быть равнозначной единицей, а не просто музой и супругой поэта. В довершение всего Поль приобрел привычку показывать всем и каждому снимки обнаженной жены. Результаты не заставили себя ждать: Галу стали считать доступной, а то, что поэты, как и художники, смотрят на мир совершенно другими глазами, обыватели просто сбрасывали со счетов.

Поль и Гала постоянно ссорились и бурно выясняли отношения, частенько вынося свои скандалы на люди. И если Элюар находил утешение и разрядку в стихах, то его жене для этого вскоре потребовалось дружеское плечо. Образовался любовный треугольник: Поль Элюар – Гала – художник Макс Эрнст. Свободная любовь тогда была в моде, и Гала не чувствовала себя виноватой. Более того, она уже ощутила на своих губах привкус той вольной жизни, к которой всегда стремилась.

Летом 1935 года Элюар с женой, которой уже исполнилось тридцать пять, и одиннадцатилетней дочерью отправились на отдых в Испанию, в небольшую деревушку Кадакес. Там их с нетерпением ожидал молодой испанский художник Сальвадор Дали, с которым Поль познакомился в парижском ночном клубе. Семья ехала в испанскую глушь отдохнуть от

шума столицы, и всю дорогу Поль с восторгом рассказывал жене о ломающем классические каноны живописи творчестве молодого испанца, о его эпатажном фильме «Андалузский пес», о странностях характера и красоте... Гала, утомленная поездкой, слушала вполуха. Позже она в разговоре с друзьями заметила: «Он не переставал восхищаться своим милым Сальвадором, словно нарочно толкал меня в его объятия, хотя я его даже не видела!»

Молодой и действительно чрезвычайно талантливый испанец, которому на тот момент исполнилось всего двадцать пять, волновался перед встречей с поэтом, а особенно – с той самой знаменитой Галой. Он был настолько наслышан о ней, что решил предстать перед незнакомкой, прибывшей из Парижа, в самом экстравагантном виде. Сальвадор выбрил подмышки и выкрасил их в синий цвет, а свою шелковую рубашку распустил на длинные полосы. Чтобы поразить не только зрение, но и обоняние, он натер тело смесью рыбьего клея, лаванды и козьего помета. За ухо герой дня воткнул красную герань, цветы которой в изобилии росли возле его маленького домика, и, с удовлетворением посмотревшись в зеркало, уже собирался выйти к гостям. Нечего и говорить, что эффект от такого появления превзошел бы все ожидания!

Однако, выглянув в окно, он внезапно заметил Галу. Элегантная парижанка показалась ему верхом совершенства: лицо ее было словно выточено резцом скульптора, а худощавое тело было не телом взрослой женщины – оно принадлежало молодой девушке... Не зря Элюар писал ему о ягодицах своей жены: «Они удобно лежат у меня в руках!» Посмотрев на собственные руки, выпачканные козьим пометом, Дали ринулся в ванную. Смыть рыбий клей, а особенно синюю краску, оказалось делом нелегким, но зато теперь он мог выйти к гостям с чистыми и блестящими волосами – и с бурей в душе...

Едва взяв в свои руки узкую прохладную ладонь Галы, Дали понял, что вот она – единственная любовь всей его жизни, женщина, которую он искал и которой могло не существовать вовсе... Однако же она существовала: дышала, улыбалась и смотрела на него во все глаза. Потому что от потрясения на Сальвадора напал приступ истерического хохота!

Гала сразу поняла, что Дали не просто талантлив – он гениален. Рядом с этим гигантом, который, когда его исключили из группы сюрреалистов, заявил: «Сюрреализм – это я!», ее собственный муж казался просто мальчишкой, а не выдавшим виды парижанином, известным поэтом... Любовь сразила наповал не только Сальвадора – она прострелила навывлет их обоих. И поэтому Елена-Гала почти сразу и безоговорочно покинула Поля. Любовная лихорадка, которой она заболела, была так сильна, что она оставила не только супруга, но даже дочь!

Элюару, который явно был лишним здесь, где эти двое – его бывший друг и его уже бывшая жена – не сводили друг с друга глаз, оставалось только собрать чемоданы и уехать. Дали отнюдь не был монстром, которым он так часто любил себя выставлять и которым его нередко рисуют биографы, он также не был лишен понятий о чести, достоинстве и дружбе. Может быть, поэтому на прощание он подарил Элюару его собственный портрет? Сам Дали скажет об этом так: «Я чувствовал, что на меня возложена обязанность запечатлеть лик поэта, с Олимпа которого я похитил одну из муз».

Несмотря на внешний эпатаж, Гала наверняка чувствовала себя неловко перед бывшим мужем и перед дочерью, которая уж никак не могла стать для нее «бывшей». Поэтому обвенчались они с Сальвадором лишь после смерти Элюара, через двадцать девять лет после своей первой встречи. До этого Гала и Сальвадор, хоть и зарегистрировали светский брак, вели достаточно вольный образ жизни. Вернее, вела богемную жизнь лишь Гала, которую второй муж к этому даже поощрял. У нее не переводились любовники, как правило, намного моложе ее – словом, это был странный брак во всех отношениях. Но на самом деле это был даже и не брак – это был творческий союз!

Им было хорошо вместе – и в постели, и вне ее. Как ни странно, в быту эти, такие непохожие во всем люди, также оказались гармоничной парой. Гала стала для непрактичного Дали всем: матерью, нянькой, секретарем, психоаналитиком... Странности Дали проявлялись не только в живописи или экстравагантных выходках – он действительно не переносил и боялся многого: ездить в лифтах, присутствия детей, животных, особенно различных насекомых. Кузнечики и замкнутые пространства вызывали у него приступы паники.

Дали был великим художником, но не слишком удачливым коммерсантом. Именно Гала уговорила его писать более понятные для зрителя картины, она искала для них покупателей и внимательно просматривала договоры, прежде чем ее муж ставил на них свою подпись. Сама Гала вспоминала об этом так: «Утром Сальвадор совершает ошибки, а во второй половине дня я их исправляю, разрывая легкомысленно подписанные им договоры».

Позже, когда имя Дали уже гремело, Гала станет еще и талантливым менеджером при муже, превратит его имя в ходовой товар. Когда стопорилась продажа картин, она заставляла мужа сниматься в рекламе, придумывать логотипы компаний, оформлять витрины магазинов, заниматься дизайном бытовых вещей, таких как пепельницы или чашки. Некоторые говорят, что Гала давила на Дали, но, возможно, она, постоянно предлагая мужу заниматься все новыми видами творчества, вынуждала его расти.

Эта звездная пара очень любила сниматься. Сохранился огромный фотоархив портретов Дали с женой. Они жили на редкость дружно, несмотря на то что у Галы постоянно были любовники. Однако, заключая брак, они оговорили и эту деталь. Жене гения не возбранялось иметь свою личную жизнь, – а она всегда была охоча до плотских утех. И если в молодые годы она брала у любовников что-либо на память: украшения, картины, книги, то, постарев, уже сама приплачивала им...

В 1964 году жене Дали исполнилось семьдесят, она уже носила парик и подумывала о пластической операции – потому что в этом возрасте ей хотелось любви как никогда! Гала пыталась соблазнить буквально каждого, кто появлялся на ее пути. «Сальвадору все равно, у каждого из нас – своя жизнь», – убеждала она друзей мужа или же его поклонников, затаскивая их в постель.

Среди многочисленных любовников Галы оказался и Джефф Фенхолт – исполнитель одной из главных ролей в рок-опере «Иисус Христос – суперзвезда». Эта связь разбила брак певца, и жена, только что родившая ребенка, ушла от него. Должно быть, Гала чувствовала себя виноватой: она подарила певцу роскошный дом на Лонг-Айленде и в дальнейшем помогала ему продвигаться. Это была последняя громкая связь Галы – дальше пошли годы, омраченные старческими болезнями, дряхлостью, неминуемым распадом организма...

Умерла муза великого художника в возрасте восьмидесяти восьми лет. Сам Дали не пошел на ее похороны, не он озаботился памятником для любимой, потому что настоящим монументом истории их любви и творческого союза остались его многочисленные полотна, где чаще других встречались ее лицо и тело.

Марина Ладынина и Иван Пырьев

Об этой трагической истории любви актрисы и режиссера до сих пор ходят легенды. Много в этой истории покрыто мраком, о многом еще только предстоит узнать, но я расскажу вам то, о чем не умалчивали ни сама актриса, ни ее подруги, тем более не желали молчать об этом недоброжелатели.

Никто, хоть однажды увидевший на экране эту женщину с сияющими счастьем глазами, не мог ее забыть. О жизни и незабываемом творчестве Марины Ладыниной недавно был снят весьма качественный фильм, однако то, что эта очаровательная, наделенная яркой, броской красотой женщина была несчастлива в личной жизни, многие предпочитают умалчивать. В самом деле, зачем портить образ счастливой советской звезды, снявшейся в таких культовых фильмах тех времен, как «Трактористы», «Кубанские казаки», «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны»?

Актриса появилась на свет в российской глубинке, сибирском селе с неблагозвучным названием Скотинино. Сама Марина, существо трепетное и нежное, очень стеснялась названия своей малой родины и в автобиографии предпочитала писать, что родилась в Назарове – месте, куда ее семья переехала вскоре после ее рождения.

Глядя на эту изящную, исполненную шарма женщину, трудно поверить, что она выросла в крестьянской семье, где отец имел всего три класса образования, мать же и вовсе была неграмотной. Однако и сама Марина, и ее родители от природы обладали артистическими талантами, грацией и безудержным оптимизмом. Эта вера – что все в жизни будет хорошо – не раз выручала семью в трудные моменты.

У Марины был потрясающий характер – так вспоминали актрису современники. Да и кроме характера у Ладыниной за душой было многое: несмотря ни на какие трудности, она упорно шла вперед. С успехом окончила школу, запоем читала все книги, которые только можно было достать в сибирском селе, а затем артистично пересказывала их семье и друзьям. Бегала на репетиции в школьный театр, где была не на первых ролях, как могут подумать многие, глядя на колоритную внешность Марины, а... просто суфлером.

Ладынина стала школьной учительницей, но ей всегда хотелось чего-то большего. И двадцатипятилетняя молодая женщина решает ехать поступать в ГИТИС – Государственный институт театрального искусства. Разумеется, она поступила с блеском, потому что приемная комиссия сразу же разглядела в будущей звезде советского экрана все: и потрясающую сценичность, и пластику, и задорный блеск в глазах, и еще ту внутреннюю свободу, без которой невозможен ни один великий артист.

Первым мужем будущей актрисы стал сокурсник Иван Любезнов. Брак вскоре распался, но вот друзьями Марина с Иваном остались на всю жизнь. Марина была красива, одинока, талантлива и словно ждала чего-то... Какого-то главного события в своей жизни. И оно с ней случилось.

Однажды, когда молодая актриса с подругой выходили из Дома кино, к ним подошел приятель подруги. Ожидая автобуса, троица мило болтала, и подруга пригласила Марину и приятеля в гости. Подошел автобус, мужчина галантно пропустил дам вперед, и... перед самым его носом дверь общественного транспорта захлопнулась, растерянные девушки остались внутри, а он – на остановке. «Не судьба», – вздохнул режиссер Иван Пырьев. Однако через несколько метров автобус остановился и вновь распахнул двери. «Судьба!» – воскликнул тот, кто станет для Марины на долгие годы всем: любимым и авторитетом, самым лучшим человеком на свете и тем, в чьих фильмах она станет узнаваемой и имя ее прогремит на всю страну.

В завершение вечера Пырьев пошел провожать Марину до общежития. Всю дорогу к дому, где жила Марина, они говорили и не могли наговориться. Когда же пришло время прощаться, Пырьев признался, что влюбился в девушку с первого взгляда. И тут же, на крыльце, сделал ей предложение. При этом режиссер даже не упомянул о том, что на тот момент уже был женат – на актрисе Аде Войцик, с которой воспитывал сына Эрика! Супруги жили и работали вместе, и Пырьев часто снимал жену в своих фильмах.

Со стороны дело выглядело так, будто Ладынина разбила дружную семью: Пырьев метался между Мариной и Адой, а к семейным неурядицам добавились еще и профессиональные. После выхода фильма «Партийный билет», не понравившегося именно партийным чиновникам, режиссера уволили с «Мосфильма». Жена помогала ему держаться, но и ее душевные силы были на исходе. Пырьев все никак не мог решиться уйти из семьи, на это не повлияло даже то, что Ладынина забеременела.

И если Аде Войцик было тяжело – при том, что Пырьев не спешил разводиться и все-таки жил дома, то что тогда говорить о Марине! В январе 1938 года она родила сына, которого назвала Андреем. Ребенка она, гордая женщина, записала как Ладынина. Позднее, когда она уже выйдет за Пырьева замуж, он предложит дать сыну свою фамилию, но получит отказ. Это как нельзя более наглядно продемонстрирует, как переживала Ладынина свое тогдашнее положение.

Две женщины – и один мужчина. Аде также нелегко давались сложные отношения в создавшемся любовном треугольнике, она даже пыталась покончить с собой. Как-то, не выдержав, она скажет Марине пророческие слова: «Погоди, он еще и тебя бросит ради другой!» Но Марине казалось, что судьба, которая зачем-то свела их тогда, на автобусной остановке, будет к ним благосклонна...

Страшные годы перед войной, когда по ночам за людьми приезжали «черные вороны» и они исчезали бесследно... В столице закрывались театры, работы не хватало. Ладынина также стала безработной, но в ней, такой хрупкой с виду, сильна была родительская крестьянская закваска. Она не боялась даже черной работы и стала брать на дом стирать белье, целыми днями стоя у корыта с мыльной водой, играла в домашних спектаклях в семьях высокопоставленных чиновников. Она работала не покладая рук – и надеялась. На лучшие времена, на то, что Пырьев найдет работу и не бросит ее с маленьким ребенком...

В конце концов Пырьеву предложили снимать в Киеве. Он уехал туда, а вскоре за ним отправилась и Марина. Ради работы в неизвестном фильме она бросила жилье в столице, а также надежду на то, что ее возьмут на роль в «Трех сестрах». Но больше всего, разумеется, ей хотелось быть рядом с любимым.

Фильм «Богатая невеста» с Ладыниной в главной роли был снят – и тут же запрещен к показу! Руководство посчитало, что фильм оскорбляет лучшие чувства украинского народа. Однако весной 1938 года в Кинокомитете сменилось начальство и фильм одобрили. Мало того, от новой комедии был в восторге сам Иосиф Сталин, и после такой лестной рекомендации фильм вышел на большие экраны, а актриса и режиссер приобрели огромную популярность.

После этого Пырьев снимал Марину, с которой наконец оформил официальный брак, во всех своих картинах. Друг за другом быстро следовали такие хиты тех лет, как «Трактористы», «Кубанские казаки», «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны». Все эти фильмы сразу же становились популярны и вошли в золотой фонд советского кинематографа.

Фильмы Пырьева хвалили, даже несмотря на то, что они часто показывали действительность такой, какой она никогда не была: в «Кубанских казаках» царит небывалое изобилие – и это в то время, когда люди буквально голодали! Но стране были нужны свои герои

и была просто необходима эта приукрашенная действительность – для того чтобы выжить, чтобы верить если не в светлое, то хоть в какое-то будущее...

Ладынина и Пырьев были в расцвете славы: за вклад в кинематографическое искусство они получили шесть Сталинских премий, им покровительствовал сам всемогущий вождь.

Ладынина снималась в «пырьевских фантазмагориях» и потому, что любила, и потому, что бесконечно уважала и боготворила мужа, который все поднимался по карьерной лестнице. Пырьев занял пост директора «Мосфильма», создал Союз кинематографистов. Марина же предпочитала оставаться в тени великого мужа. А ведь эта великолепная актриса могла стать примой во МХАТе, в труппу которого ее звали еще до знакомства с Пырьевым. Она была отмечена самим Станиславским как «чрезвычайно одаренная»!

Сама Ладынина скажет: «Я стала сельскохозяйственной актрисой». Но ведь именно такой ее и запомнили обожающие зрители – простой и женственной, близкой каждому! Кажется, ее героинь можно встретить повсюду: в поле и в цветнике возле дома, на ферме, на степной дороге...

Несмотря на «сельскохозяйственный» репертуар, Ладынина оставалась настоящей леди: остроумной, выдержанной, образованной. К замечательным качествам ее характера можно также прибавить то, что, в отличие от мужа, она никогда не «прогибалась» под властью, всегда сохраняла лицо. В быту была скромной, хотя и жила в элитном доме на Котельнической набережной. Да и наряды звезды кинематографа среди тех, кто причислял себя к элите кино и частенько стремился к показной роскоши, всегда отличались благородной простотой. У нее была бездна вкуса, а появление ее где бы то ни было – на сцене или в обыденной жизни – всегда производило на людей незабываемое, «солнечное» впечатление.

Звездная пара прожила вместе около двадцати лет, а затем сбылось пророчество Войцик – немолодой уже Пырьев снова влюбился как мальчишка. Сюжет повторился: режиссер бросил жену и сына и ушел к молоденькой актрисе Людмиле Марченко. Ладынина бесконечно страдала и, по словам современников, так и не смогла простить бывшего мужа. Однако, несмотря ни на что, энергетическая связь между супругами не обрывалась никогда: однажды во сне Марина увидела, что муж тянет к ней руки и просит о помощи... Тем страшным утром 1968 года она узнала, что Иван Пырьев умер.

Позже она скажет, что из всей своей жизни помнит только те годы, которые они провели вместе, локоть к локтю, бок о бок... Сын Ладыниной также станет режиссером, а сама она лишь немного не дотянет до своего 95-летнего юбилея. И когда на вручении в 1997 году премии «Ника» за честь и достоинство ее прямо в кресле подняли на сцену, весь зал Дома кино встал. Актеры и все пришедшие в тот день сюда чествовали эту маленькую женщину со светлой душой, ту, которую и сегодня можно увидеть на экране, ведь искусство, в отличие от людей, не умирает...

На могиле Марины Ладыниной на Новодевичьем кладбище стоит скромный памятник, но настоящий памятник этой потрясающей актрисе – фильмы, в которых она снималась. Они живут и по сей день.

Марина Влади и Владимир Высоцкий

Роман французской актрисы и советского барда для многих олицетворял тот самый глоток свободы, к которому стремился каждый человек, зажатый в тиски советского строя. Даже железный занавес, отгораживавший СССР от остального мира, не мог противостоять этим сердцам, которые соединились вопреки всему! Кто и что могли удержать Высоцкого – человека, ставшего легендой еще при жизни, для которого не существовало барьеров и ограничений, границ и тех рубежей, которые нельзя было преодолеть? Он всю жизнь разрушал поставленные как снаружи, так и внутри себя препоны – шел вперед, порой оставляя на терниях жизни клочья кровоточащей ткани сердца...

Владимир Высоцкий и Марина Влади

Устоять против обаяния харизматической личности Владимира Высоцкого не смогла бы, наверное, ни одна женщина. Это был гениальный поэт, песни которого находили отклик в душе каждого. А каким Высоцкий был актером! На его счету – роли в театре и кино, песни к кинофильмам и сольные концерты. Именно там, на сцене, и увидела его впервые Марина Влади.

Он играл роль Хлопуши в спектакле «Пугачев». Играя, Высоцкий полностью перевоплощался. Закованный в цепи, он рычал, выл, рвался и кричал со сцены слова монолога своим хриплым голосом, от которого по коже бежали мурашки... Глядя на его Хлопушу, невозможно было сдержать слез. Влади сидела потрясенная – она пришла на спектакль специально посмотреть на этого актера, потому что слухи о нем докатились до Парижа. Уви-

денное невозможно было сравнить ни с чем. И, уходя, она все еще слышала этот потрясающий голос, который как будто окликал, звал именно ее...

До Высоцкого Влади дважды побывала замужем. Первым мужем этой золотоволосой красавицы был не кто иной, как сам Робер Оссейн, блестяще воплотивший на экране образ возлюбленного Анжелики – графа Жоффрея де Пейрака, вторым – пилот и владелец авиакомпании Жан-Клод Бруйе. Сама Влади имела русские корни, настоящее имя актрисы – Екатерина Марина Владимировна Полякова-Байдарова.

Марина была дочерью русских эмигрантов, отец ее был актером, а мать – балериной. Именно в честь отца она и взяла псевдоним Влади. Интересно, что первой ее работой в кино стала роль в фильме по повести Куприна «Колдунья». Увидев на экране актрису, которой на тот момент было всего 17 лет, зрители сразу поняли: на кинонебосклоне взошла новая звезда. Видел этот фильм и Высоцкий. Влади сразу зацепила его, но она была так же недоступна и далека, как звезда на небе.

Каково же было удивление их обоих, когда после спектакля они увидели друг друга! Неизвестно, какими путями ведет людей судьба и кто пригласил Влади в ресторан, где театральный люд праздновал премьеру. Влади села за столик, кто-то налил ей вина, потом спросили ее мнение о спектакле. Она прекрасно говорила по-русски, что сразу расположило к ней собеседников. И внезапно она увидела Его – того самого актера, который так поразил ее в зале!

В жизни он оказался куда ниже ростом, чем выглядел на сцене, и был совсем не красавцем, как ее бывшие мужья: и актер Оссейн, и летчик Бруйе. У Высоцкого было усталое лицо, но глаза его блестели жизнью, которая всегда была в нем через край. Он сел рядом и весь вечер не сводил с нее глаз. А потом признался, что «Колдунья», виденная им когда-то, потрясла его... Он влюбился в Марину и любит до сих пор...

Избалованная вниманием тридцатилетняя французская актриса поначалу не приняла его слов всерьез – в ее жизни было немало вот таких признаний в любви, за бокалом вина... Однако Высоцкий настаивал на встречах и даже заявил, что несмотря ни на что добьется ее руки!

Вскоре Влади уехала обратно в Париж, но воспоминания об этом странном русском все еще будоражили ее, она как будто потеряла себя... Часть ее осталась в России, там, где люди так плохо и порой неряшливо одеты, где в гостинице может не быть горячей воды и где существует такое странное понятие, как «самиздат». Кажется, стихи Высоцкого расходятся среди его соотечественников именно таким образом. Она слишком много думала о нем, и он как будто ее слышал. И когда в телефонной трубке вдруг зазвучал его голос, который нельзя было спутать ни с каким другим, она поняла, что снова влюбилась.

Это была не просто любовь. Ей, матери троих детей, на этот раз довелось влюбиться так, как влюбляются в первый раз. Ей плохо без него. В разговоре она начинает фразу – и не заканчивает, потому что мысли ее далеко... Через три месяца она снова под каким-то предлогом едет в Россию – но Высоцкого нет в Москве! Он в Сибири, на съемках фильма «Хозяин тайги». Она уезжает обратно во Францию с тяжелым сердцем: она не может сидеть тут, в Москве, и ждать его, потому что у нее тоже съемки, и дети, и обязанности...

Они все-таки встречались – урывками, находя для свиданий какие-то чужие квартиры. Они бродили по улицам, взявшись за руки, и он пел для нее – пел так, как еще не пел ни для кого на свете.

На момент встречи с Влади Высоцкий был женат, причем уже во второй раз. Однако жена Людмила согласилась на развод безропотно. Умная женщина, она понимала, что у мужа не интрижка, не флирт, не легкий поход налево... С этим нужно либо смириться и остаться друзьями, либо... впрочем, другого и не было дано. Она отпустила Владимира, а детям объ-

яснила, что папа по-прежнему их любит, просто жить теперь будет в другой семье, с другой женой.

Однако как такового семейного дома у Влади и Высоцкого не было. Хотя власти на удивление благосклонно отнеслись к поданному актером заявлению с просьбой разрешить зарегистрировать брак с французской подданной Влади, выпускать Высоцкого за железный занавес никто не спешил. В декабре 1970-го они расписались в одном из московских загсов. Но она по-прежнему жила в Париже, он – в Москве, и большей частью они общались по телефону. Иногда у Высоцкого на переговоры с Парижем уходили все заработанные за месяц деньги...

Марина придумывала всевозможные уловки, находила лазейки, чтобы приехать в Россию и побыть с мужем хоть несколько дней. Она то покупала туристическую путевку, то просила оформить гостевую визу... В конце концов она получила право бывать здесь как супруга актера, но прописаться в Москве и стать советской гражданкой значило бы потерять все: дом во Франции, детей, работу, возможность свободно ездить по миру. Она не была готова к этому, да и сам Высоцкий не мог позволить, чтобы любимую заточили в клетку. Они виделись урывками, и каждое свидание было как ожог: так накалены были чувства.

Только через шесть лет после регистрации брака Высоцкого наконец выпускают из страны. Ему рукоплещут концертные залы Америки и Европы, и Марина каждую минуту старается быть рядом. Собственную кинокарьеру она к тому времени почти забросила – невозможно было совместить съемки и непредсказуемые по времени поездки в Россию. Она все чаще отказывалась от выгодных предложений, и режиссеры постепенно забывали о Влади: попасть в обойму звезд очень трудно, а вот выпасть из нее можно в одно мгновение...

Высоцкий всегда много пил: этому способствовала и вольная жизнь поэта с гитарой, и желание получить психологическую разрядку после спектаклей, и неуверенность в завтрашнем дне, и то, что его замечательные стихи так ни разу и не опубликовали при его жизни. Порой он напивался до совершенно беспробудного состояния – с людьми, которые вряд ли могли претендовать на звание его друзей. Марина много раз пыталась уговорить любимого прекратить сжигать себя с помощью алкоголя, достаточно было того, что каждую роль он пропускал через себя и, проживая чужие выдуманные жизни, безрассудно тратил свою, настоящую и единственную...

Когда он приехал к ней в Париж на три отпускные недели, его болезненное, увеличившееся за то время, пока они не виделись, пристрастие к выпивке ужаснуло ее. Видел ли он себя со стороны? Сознал ли, что семимильными шагами идет к могиле? И да и нет. Он любил жену слишком сильно, но ее не было рядом постоянно, и это тоже подстегивало его, заставляло тянуться к рюмке. И хотя в этот свой приезд он твердо обещал «завязать», она только сделала вид, что поверила. Своей вещей душой Колдуньи Марина чувствовала, что эта их встреча – последняя. Они расстаются навсегда.

«4 часа утра 25 июля. Я просыпаюсь в поту, зажигаю свет, сажусь на кровати. На подушке красный след. Я раздавила огромного комара. Я, не отрываясь, смотрю на подушку, меня словно заколдовало это яркое пятно. Звонит телефон, я знаю, что услышу не твой голос: «Володя умер». Вот и все. Два коротких слова, сказанных незнакомым голосом».

В тот роковой день Владимир Высоцкий не вышел на сцену. Его ждал «Гамлет», билеты давно были распроданы, но у окошечка кассы вывесили объявление: «Умер актер Владимир Высоцкий».

Горе было поистине всеобщим: ни один человек не вернул в кассу билет на отмененный спектакль. В Москве люди стояли плотной толпой у Театра на Таганке, чтобы проститься с поэтом. Даже на крышах окрестных домов были люди. Казалось, не только вся Москва, но и весь Союз бесконечной вереницей шел по улицам, чтобы отдать дань памяти тому, чьи

песни и через тридцать лет после его смерти будут слушать новые поколения. Последние его стихотворения будут посвящены именно ей, и они же станут посмертным памятником их любви:

*Не сравнил бы я любую с тобой,
Хоть казни меня, расстреливай,
Посмотри, как я любуюсь тобой,
Как Мадонной Рафаэлевой.*

*Дом хрустальный на горе для нее,
Сам, как пес бы, так и рос в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи.*

Марина летела в Москву, оцепенев от горя. Последнюю ночь они провели вдвоем – он в гробу, а она возле его тела. Глухой удар молотка по крышке его гроба – и только тогда она поняла: он ушел от нее. Его больше не будет рядом. Он не позвонит на последние деньги, чтобы сказать, как сильно ее любит. Они никогда больше не будут сидеть на кухне, как это принято в Москве, и пить чай... Он не посвятит ей больше ни строчки – потому что его просто нет.

Она еще напишет целую книгу о нем – иначе тоска задушила бы ее. Целый год жесточайшая депрессия терзала ее ум и тело, и ей все слышался его голос – хриплый, сильный голос человека, который любил ее больше жизни... «Родники мои серебряные, золотые мои россыпи»...

Глава 3 Роковая связь

Елена Глинская и Иван Овчина-Телепнев-Оболенский

Всегда трудно добираться до истины, особенно когда она скрыта под толщей веков. История многократно переписывается победителями в свою пользу, предатели становятся мудрыми советчиками, многоженцы – несчастными влюбленными, вынужденными уходить от нелюбимых жен к единственным в их жизни возлюбленным... Однако есть истории, которые неподвластны времени. Оно не только не скрывает их правду, но с каждым прошедшим годом, десятилетием и даже столетием отсеивает ненужное, убирает наносную шелуху, и мы видим все без прикрас – возможно, именно так, как было на самом деле...

Великий московский князь Василий III Иванович за долгие годы брака с Соломонией Сабуровой так и не зачал не то что наследника – даже дочери. Соломония была бездетна, а ведь даже в Библии сказано: «Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает?»

Князь уже имел решение в сердце своем, но все же решил посоветоваться с боярами. Те, впрочем, были единомышленны: бесплодную супругу следовало заточить в монастырь, а в жены взять молодую девушку хорошего сложения и отменного здоровья, способную принести князю наследника.

Княгиня Соломония была без дальнейших обиняков пострижена в монахини под именем Софьи, а к князю стали свозить невест. Особенно понравилась Василию восемнадцатилетняя красавица Елена Глинская, дочь литовского князя. Род Глинских был не слишком знатен, однако статью Елена не уступила бы любой царице, была воспитанна и образованна, и, побеседовав немного с девицей, Василий совсем потерял голову.

К чему было терять время: как говорится, честным пирком да за свадебку! В 1526 году Елена становится княгиней. Всем она любя была Василию. Чтобы угодить молодой жене, князь даже частенько сбрасывал бороду, что на Руси того времени не было принято. Да и русское платье при своем дворе велел сменить на более нарядное польское да литовское.

Чтобы любимая жена не заскучала у себя в тереме, ко двору пригласили ее родственников. Приехала в Московское княжество и близкая подруга Елены – также Елена, Челядина, и ее брат Иван Овчина-Телепнев-Оболенский. Последний слыл храбрым воином, да и собой был хорош на диво. Со своими родственниками Елена и скучать перестала, особенно любила она общество подруги и ее брата.

Однако через некоторое время князю стали доносить, что в тереме княгини не совсем ладно: Иван Овчина глаз с великой княгини не сводит, не закончилось бы это незаконной любовью... Но князь всецело доверял молодой жене, которая подарила ему долгожданного наследника. Младенца крестили Иваном – и был это не кто иной, как будущий государь российский Иван IV, больше известный потомкам под прозвищем Грозный.

Злые языки шептали по углам, что родила княгиня Елена не от старого Василия, а от молодого красавца Ивана Овчины, но князю до наветов и дела не было. Желая баловать, а в наследнике и вовсе души не чаял. Вскоре родился и второй сын – Юрий. Все в семье шло гладко да складно, но только когда первенцу Ивану исполнилось три года, князь Василий внезапно занемог и в одночасье скончался.

Умер ли князь своей смертью или же был отравлен своей молодой женой, как шептались некоторые, глядя на изменившегося до неузнаваемости за считанные часы князя – кто знает? Уже на смертном одре Василия стали одолевать сомнения: а действительно ли Иван его сын? Однако завещания князь не изменил и правительницей до совершеннолетия ребенка стала Елена.

Годы правления Елены Глинской можно назвать образцовыми: женщиной она действительно была незаурядной и помимо прочих талантов обладала еще и политическими. Умело ведя переговоры, молодая княгиня сумела избежать войн, способных разорить любое, даже самое сильное царство. С крымским и казанским ханами был заключен мир, торговля процветала, строились и расширялись города и крепости.

Елена также уделяла большое внимание армии и даже провела денежную реформу, укрепив тем самым положение княжества. Монеты разных видов и размеров перечеканили по одному, так называемому Новгородскому образцу. На новой монете был изображен всадник с копьем в руке, и именно с той поры в России и закрепилось название новых денег – копейка.

И все эти годы рядом с ней находился один и тот же человек – Иван Овчина. Был ли он просто советником или же все-таки любовником княгини? История дает на этот вопрос однозначный ответ: Овчина давно разделял с княгиней не только государственные заботы, но и постель.

Однако Иван Овчина был не просто ищущим от щедрот княжеских никчемным фаворитом, годным только на альковные утехы. Именем княгини он воевал и свой полководческий талант положил на то, чтобы охранять княжество от врагов внешних и внутренних. Овчина ходил в походы, подавлял мятежи и восстания, а ведь время было такое, что только ленивый не мечтал о троне! Заговоры плелись, как паутина по углам: так, в 1537 году один из родственников князя организовал против Елены бунт, надеясь свергнуть ее и захватить власть. Овчина быстро собрал войско и двинул его против заговорщиков, разгромив их начисто и захватив самого устроителя мятежа – Андрея Старицкого. Церемониться с предателем не стали – бросили в темницу и замордовали пытками насмерть.

Такая преданность фаворита совсем ослепила княгиню. По навету Овчины она даже удалила от двора, а затем и заточила в тюрьму родного дядю, Михаила Глинского. Казалось бы, Овчина только о ее благополучии и радеет, однако вскоре случилось страшное: утром 3 апреля 1538 года молодой, полной сил и здоровья княгине вдруг стало плохо. Тридцатилетняя, кровь с молоком красавица сгорела в считанные часы. К вечеру Елены не стало... Снова во дворце заговорили о таинственном яде, способном бессимптомно свести в могилу любого.

Приближенные оплакивали безвременно скончавшуюся княгиню, но бояре, тайно ненавидевшие возвысившуюся из захудалого рода Глинскую, открыто праздновали победу. Доказать наличие яда в организме в то время, пожалуй, не смог бы никто, и Елену просто похоронили. Однако слухи о ее неестественной кончине продолжали шириться, и пришедший к власти боярин Василий Шуйский решил одним махом убить двух зайцев: он обвинил в смерти княгини ее любимца, Ивана Овчину.

Красавца, умницу и храбреца, бывшего занозой не в одном глазу, бросили в сырой темный каземат. Улик и сколько-нибудь связных обвинений против него не было – и даже новый правитель, Василий Шуйский, не мог решиться пролить кровь невинного... Иван Овчина просто-напросто умер в темнице от голода и холода – его богатырский организм, выдерживавший походы, битвы и военные лишения, угас, подкошенный отсутствием воды и пищи и сыростью каземата.

Княжество, лишившееся твердой руки, трясло от боярских междоусобиц, постоянных смут и мятежей. Временные правители сменяли друг друга, как в калейдоскопе, пока нако-

нец не воцарился законный наследник престола – царь Иван Васильевич, которого впоследствии нарекут Грозным.

До сих пор доподлинно неизвестно, кто же был отцом первого русского царя – престарелый Василий или молодой и полный сил Иван Овчина? Историки склоняются к мнению, что и первая жена князя Василия III не была бесплодной – не мог зачать сам князь. Недаром до появления у него наследника от Елены прошло целых четыре года. Умная молодая жена просто испугалась, что ее также может постигнуть участь быть заточенной в монастыре, а рядом так кстати оказался Иван Овчина... Убили ли молодые любовники старого князя? Скорее всего, этой тайне также суждено остаться нераскрытой.

Царевна Софья и Василий Голицын

Царевну Софью должна была ожидать та же печальная участь, что и всех царских дочерей в то время: сначала тихая жизнь на женской половине терема, вышивание под окошком да молитвы перед иконами о благополучии царской семьи. Затем – та же жизнь, но уже в монастыре, куда царевен постригали по достижении ими зрелого возраста. Замуж девиц царского рода не отдавали – побочные наследователи трона, мятежи и войны в государстве никому не были нужны...

Великая Государыня Царевна и Великая княжна Софья Алексеевна. Неизвестный художник

Маленькая Софья, дочь царя Алексея Михайловича и Марии Милославской, с раннего детства отличалась пытливым и непоседливым характером. Няньки и мамки с ног сбились, удерживая дерзкую девчонку, которая не желала знать, как квасят капусту или вышивают гладью, а хотела учиться математике, иностранным языкам да читать книги, в которых и иной зрелый муж не разберется!

Царь только посмеивался, глядя на неизвестно в кого уродившуюся слишком умной дочь, и велел нанять ей учителей, причем самых лучших. К десяти годам непокорное дитя уже освоило и математику с грамматикой, и историю, и бойко лопотало на неведомых нянькам языках. Алексей Михайлович настолько гордился своей дочерью, которую сегодня назвали бы вундеркиндом, что частенько брал Софью с собой в дальние поездки по небольшой державе, и порой юная Софья в затруднительных ситуациях давала такой мудрый и дельный совет, что бояре только в дремучих бородах чесали: «Ай да девчонка! Любого за пояс заткнет...»

Красотой царевна Софья не отличалась никогда: можно было сказать, что она была столь же некрасива, сколь и умна. Коренастая фигура, в которой было больше от мужского, чем от женского, почти полное отсутствие шеи, грубые черты лица, нездоровая полнота... Все это не украшало царевну; но, пообщавшись немного с царской дочерью, многие достойные мужчины забывали о ее некрасивости и откровенно искали расположения Софьи. Однако сердце ее молчало. До поры до времени...

В 1676 году отец Софьи, царь Алексей Михайлович, скончался. На трон взошел старший брат царевны, Федор. Софья старалась быть поближе к болезненному и постоянно хворающему брату, но под видимостью оказания помощи в делах и сестринской любви скрывалось и нечто иное. За спиной Федора Софья плела крепкую сеть: вербовала себе в помощники видных бояр и переманивала на свою сторону полковников стрелецких полков.

Тогда же царевну заметил и видный боярин – Василий Голицын. Был Голицын намного старше Софьи, умен, необычайно красив и происходил из знатного литовского рода князей Гедиминовичей. Так же как и царевна, он владел латынью, древнегреческим, свободно говорил по-польски и по-немецки. Софья, частенько презиравшая мужчин именно за то, что они считали женщин существами второго сорта, место которых у очага, колыбели или за пяльцами, неожиданно для себя стала замечать, что князь внимательно ее слушает и лукаво посматривает из-под соболиных бровей...

Время пришло, и царская дочь Софья созрела – не для монастыря, но для любви. Однако князь не спешил воспользоваться тем, что само валилось ему прямо в руки: Голицын слыл примерным семьянином, любил жену и четверых пригожих детей. Софье он предложил безоговорочную поддержку во всех ее начинаниях, и на первых порах ей пришлось довольствоваться этим.

Однако когда люди проводят слишком много времени вместе и у них общие интересы, неизбежно они сближаются еще больше. Софья завороченно слушала речи Голицына о переустройстве государства, бывала в его доме, где частенько гостили чужеземцы, – о, какие они рассказывали истории! В дальних странах не было варварских обычаев, как в России, там царевен не заточали против их воли в монастырь. Они вольны были выходить замуж, и на престолах многих европейских держав восседали именно они – царские дочери!

Царь Федор, царствовавший недолгие шесть лет и не отличавшийся крепким здоровьем, умер в конце апреля 1682 года. Посовещавшись, бояре крикнули перед народом имя нового царя – малолетнего Петра, а править от его имени до совершеннолетия или же женитьбы должна была его мать, царица Наталья Нарышкина, ненавистная Софье мачеха. И уже в начале мая недовольная Софья, опираясь на верных бояр, стрельцов и Голицына, поднимает мятеж, увенчавшийся успехом. Отныне правит не сам Петр, а цари Петр и Иван, а регентшей при них становится не кто иной, как она, царевна Софья! Это был огромный прорыв и, возможно, прямой путь на трон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.